

ДРЕВНИЙ МИР И МЫ
КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ЕВРОПЕ И РОССИИ

Редакционная коллегия: А. К. Гаврилов (ответственный редактор),
В. В. Зельченко (редактор),
В. С. Синельников (издательский редактор)
Макет: Е. Н. Грузов
Дизайн: Ю. П. Амбросов, Ю. Н. Чигирев

Иллюстративные материалы — из фондов Библиотеки
Российской академии наук
и BIBLIOTHECA CLASSICA PETROPOLITANA. Фотограф П. И. Иванов

Адрес редакции: Античный кабинет (Альманах)
197198 С.-Петербург, Малый пр. П.С. 9/6
факс: (812) 235-1302 E-mail: bicl@mail.wplus.net

ANTIQVITAS PERENNIS
STUDIA CLASSICA ET POSTCLASSICA

Editores: А. Gavrilov, V. Zelchenko, V. Sinelnikov
Artifex rei computatoriae: E. Gruzov
Delineatores: J. Ambrosov, J. Chigirev
Inscriptio cursualis: Bibliotheca classica Petropolitana (Альманах)
197198 С.-Петербург, Малый пр. П.С. 9/6
факс: (812) 235-1302 E-mail: bicl@mail.wplus.net

Петербург
BIBLIOTHECA CLASSICA PETROPOLITANA
Издательство «Алетейя»
2000

ДРЕВНИЙ МИР

И МЫ

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
в Европе и России

II

Петербург
BIBLIOTHECA CLASSICA PETROPOLITANA
Издательство «Алетейя»
2000

УДК 931/939+008
ББК 63.3(0)3+71
Д 73

Д 73 **Древний мир и мь:** Классическое наследие в Европе и России: Альманах. — Вып. II. — СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana; Алетейя, 2000. — 336 с.: илл. ISBN 5-89329-235-9

Второй выпуск петербургского альманаха продолжает публикацию материалов, посвященных проблемам изучения античного наследия, его влияния на русскую культуру, а также истории петербургского антиковедения. На страницах альманаха — статьи о творчестве Феогида и о происхождении названий падежей; о пристрастии древних к диковинам и о том, как отразились их воззрения в средневековом русском хронографе; об источниках «Тилемахиды» Тредиаковского и знаменитого изречения Потемкина о Фонвизине. Среди публикаций — новые переводы из Катулла, рассказ из жизни Сократа, «Десять заповедей классического филолога» и проч.

Альманах адресован всем, кого интересует классическая древность и многовековая история ее изучения.

УДК 931/939+008
ББК 63.3(0)3+71

ISBN 5-89329-235-9

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2000 г.
© BIBLIOTHECA CLASSICA PETROPOLITANA, 2000 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
ДРЕВНИЙ МИР	
<i>А. И. Доватур.</i> Солон и Феогида: поэт агоры и поэт симпосиев	11
<i>А. К. Гаврилов.</i> Ремесло поэта, или Требуемые симпосиасты	25
<i>А. В. Гладкий.</i> Падежи и бабки	54
<i>Г. Виссова.</i> Выставки древностей в Риме. Пер. с нем. <i>С. А. Гавриловой</i>	61
ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ ОБ АНТИЧНОСТИ	
<i>М. М. Позднев.</i> Родольф Агрикола, эрудит и текстолог	71
<i>Г. И. Гинзбург.</i> Г. К. Келер и библиотека Эрмитажа	92
<i>А. Э. Хаусмен.</i> О приложении разума к текстологии. Пер. с англ. <i>В. В. Зельченко</i> ...	99
<i>И. В. Тункина.</i> «Дело» академика Жебелева	116
Выбранные места из переписки друзей-филологов: <i>А. И. Доватур</i> — <i>А. Н. Езунов</i> — <i>Я. М. Боровский.</i> Публ. <i>А. К. Гаврилова, В. В. Зельченко</i>	162
PERSONALIA	
Евгений Мартынович Придик (1865–1935)	
<i>Н. А. Павличенко.</i> Е. М. Придик, петербургский филолог и эпиграфист	189
Библиография Е. М. Придика	206
Григорий Филимонович Церетели (1870–1939)	
<i>И. Ф. Фихман.</i> Г. Ф. Церетели	207
Авигдор Чериковер (1894–1957)	
<i>Зви Явец.</i> В. Чериковер — историк греко-римского мира. Пер. с англ. <i>О. В. Буда-рагиной</i>	218
Юрий Викторович Андреев (1937–1998)	
<i>И. Ю. Шауб.</i> Ю. В. Андреев: штрихи к портрету	223
<i>А. И. Зайцев.</i> Ю. В. Андреев: научное наследие	234
АНТИЧНОСТЬ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА	
Монстры русской хронографии. Публ., предисл. и примеч. <i>Е. Г. Водолазкина</i>	245
<i>Н. А. Численко.</i> Об источниках «Тилемахиды» В. К. Тредиаковского. Подготовка текста и предисл. <i>Т. Б. Авериной</i>	252
<i>В. В. Зельченко.</i> Mογεγε, Dionysi	280
<i>Ю. В. Андреев.</i> Русский человек между Христом и Дионисом: Вячеслав Иванов как исследователь и истолкователь греческой религии	282
LITTERAE ELEGANTIORES	
<i>Ф. Ф. Зелинский.</i> Juvenilia	297
<i>M. von Albrecht.</i> Carmina Latina	301
<i>Анри Волохонский.</i> Вольные переводы из Катулла	306
<i>Хава Броха Корзакова.</i> Ксантиппа	308
ΠΑΙΓΝΙΑ	
Philologorum decalogi: <i>К. Лерс, А. фон Гарак</i>	315
<i>Власий Цезиус.</i> Гиперборейские маргиналии	318

И. В. Тункина

«ДЕЛО» АКАДЕМИКА ЖЕБЕЛЕВА*

Несмотря на благотворные для исторической науки перемены последнего десятилетия и доступность для исследователей закрытых ранее архивохранилищ, ощущается недостаток работ, анализирующих сложные и драматические коллизии, происходившие в двадцатых – тридцатых годах в процессе «советизации» Академии наук. В последние годы появились исследования и публикации, правдиво освещающие взаимоотношения научной интеллигенции и власти в годы *великого перелома* – о первых выборах ученых-коммунистов в АН СССР (сентябрь 1928 – февраль 1929 гг.) и об «академическом деле» (1929–1931).¹ К сожалению, белым пятном в истории отечественной гуманитарной науки долгое время оставалось «дело академика Жебелева» (ноябрь

* Исследование проведено при финансовой поддержке Московского общественного научного фонда и Фонда Форда (код проекта № 79-история / грант-96).

¹ См.: Ф. Ф. Перченко. Академия наук на «великом переломе» // Звенья 1 (1991), 163–235; В. А. Куманев. 1930-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М. 1991; А. А. Формозов. Русские археологи до и после революции. М. 1995, 43–57; Пять «вольных» писем В. И. Вернадского сыну (Русская наука в 1929 г.) // Минувшее 7 (1989), 425–450; А. В. Кольцов. Выборы в Академию наук в 1929 г. // Вопросы истории естествознания и техники № 3 (1990), 53–66; В. С. Брачев. Укрощение строптивой, или как АН СССР учили послушанию // Вестник АН СССР № 4 (1990), 120–127. См. также недавнюю публикацию записки акад. П. К. Коковцова, оставленной им в собственном архиве «для потомков» с изложением всех обстоятельств выборов: П. К. Коковцов. Для установления истины / Публ. и комм. А. А. Долинной // Кунсткамера: Этнографические тетради 1 (1993), 151–156; В. С. Брачев. «Дело» академика С. Ф. Платонова // Во-

1928 – январь 1929 гг.), не получившее должного освещения в литературе,² хотя именно оно ознаменовало начало «великого перелома» в Академии. Инспирированный властями скандал, затронувший интересы АН СССР, ГАИМК,³ Эрмитажа и большой группы обществоведов, развернулся на фоне предвыборной кампании 1928–1929 гг. и в свое время получил широкий общественный резонанс, став своего рода прологом «академического дела». Ход «дела Жебелева» тенденциозно освещался практически всеми центральными и местными газетами СССР, поэтому крайне важно реконструировать правдивую хронику этих событий, опираясь как на официальную документацию властных, научных и общественных структур, так и на переписку и воспоминания ученых.

В центре политического скандала невольно оказался крупнейший историк античности Сергей Александрович Жебелев (1867–1941), действительный член АН СССР (с 1927 г.), профессор (в разные годы декан, проректор и ректор) Петербургского (позднее Ленинградского) университета, действительный член и товарищ председателя ГАИМК, после смерти акад. Ф. И. Успенского – редактор «Византийского временника», в 1928 г. также исполнявший обязанности директора Библиотеки АН СССР. Жебелев оказался единственным из крупных русских антиковедов, кто в годы революции и гражданской войны не эмигрировал, сумел выжить и своей деятельностью обеспечил преемственность русской и советской науки о классической древности.

Вторая половина 1920-х годов стала действительно «переломной» эпохой для Академии наук. В 1925 г. Российская АН была переиме-

просы истории № 5 (1989), 117–129; Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб. 1993.

² Например, в большинстве работ по истории АН СССР делу Жебелева посвящена всего одна страница или даже несколько строк. См.: Ф. Ф. Перченко. Указ. соч., 184; F. Epstein. Die marxistische Geschichtswissenschaft in der Sowjetunion seit 1927 // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven / Osteuropa-Institut in Breslau 6, 1 (1930), 133; L. G. Graham. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927–1932 // Studies of the Russian Institute (Columbia University). Princeton; NY 1967, 104–108; A. E. Levin. Expedient Catastrophe: A Reconsideration of the 1929 Crisis at the Soviet Academy of Science // Slavic Review 47, 2 (1988), 268; В. С. Каганович. Начало трагедии (Академия наук в 1920-е годы по материалам архива С. Ф. Ольденбурга) // Звезда № 12 (1994), 135–136. Общая хронологическая канва событий воссоздана в нашем очерке: И. В. Тункина. М. И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман / Под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М. 1997, 101–109.

³ Список основных сокращений см. в конце статьи. – *Ред.*

нована в АН СССР и признана ЦИК и СНК СССР высшим ученым учреждением страны. Помпезное празднование ее 200-летнего юбилея показало заинтересованность властей в перестройке всех академических основ с целью направить деятельность русской науки на нужды «социалистического строительства нового общества». Академическое руководство довольствовалось иллюзией автономии, а власть ей до времени не мешала. После Октября 1917 г. во главе Академии фактически стоял неприменный секретарь С. Ф. Ольденбург, несший основное бремя административных забот при престарелом президенте А. П. Карпинском. Сергей Федорович одним из первых понял, что советская власть установилась всерьез и надолго, и вплоть до описываемых событий искусно применял тактику лавирования во взаимоотношениях с властями, пытаясь в максимальной степени сохранить внутреннюю независимость Академии.⁴ Готовность других членов Президиума академиков Н. Я. Марра, А. Е. Ферсмана, А. Ф. Иоффе, И. Ю. Крачковского сотрудничать с советской властью объяснялась их тревогой за судьбу научного и культурного потенциала страны в новых политических и социальных условиях, стремлением во что бы то ни стало сохранить Академию наук. Последнее обстоятельство послужило поводом для упреков в их адрес со стороны как аполитичных коллег, оставшихся в России,⁵ так и академиков, оказавшихся в эмиграции, прежде всего М. И. Ростовцева и П. Б. Струве, активно пропагандировавших свои антибольшевистские взгляды.

В 1926–1927 гг. обсуждался проект первого советского устава Академии, утвержденного постановлением Совнаркома СССР 18 июня 1927 г., хотя выборы 1927 г., в ходе которых С. А. Жебелев был избран действительным членом АН СССР, проходили еще по старым академическим правилам. Академию ждала коренная перестройка, так как «беспартийный» характер высшего научного учреждения страны не устраивал государственные структуры. Новый устав 1927 г. и постановление Совнаркома от 3 апреля 1928 г. существенно увеличили состав действительных членов – с 42 до 85 человек. Стремясь провести в АН СССР ученых-коммунистов, власти предоставили право выдвижения кандидатов не только академикам, но и научным учреждениям, отдельным ученым и их группам, а также общественным

организациям, вплоть до ячеек и фабричных комитетов партии. Параграф 22 нового устава гласил: «Действительный член АН лишается своего звания, если он не выполняет обязанностей, налагаемых на него этим званием, или если его деятельность направлена явным образом во вред Союзу ССР».⁶ В прессе развернулась широкая компания по выдвижению и обсуждению кандидатов. «Вокруг выборов в Академию наук разыгрывается вакханалия требований „нашей общественности“, которая силится втиснуть в Академию своих, сменив прежнее кумовство кумовством по принципу „единственного научного мирозерцания“ нашего времени, – записал в дневнике ученик акад. П. Г. Виноградова, московский историк И. И. Шитц. – Вчера ленинградская Секция научных работников объявила свои кандидатуры, <...> прибавив еще „отрицательную“ оценку нежелательных лиц: среди них известнейший византист *Бенешевич* (он-де занимается „узкой темой“ – о ранней церкви) <...> Теперь остается слово за академиками. Грозил им всячески и сильно».⁷ Одновременно власти стали оказывать давление на Президиум АН СССР, чтобы добиться исключения из Академии ученых, эмигрировавших из страны и активно выступавших против советской власти.

Мишенью для идеологической атаки на АН СССР был выбран именно Жебелев, так как в преддверии выборов коммунистов он оказался членом трех особых выборных комиссий Академии по гуманитарным наукам, образованных с целью рассмотрения списка кандидатов в действительные члены – исторической, философской и по языкам и литературам европейских народов.⁸ Через представителей общественности и делегатов от союзных республик, входивших в состав выборных комиссий, власти осуществляли контроль за деятельностью последних. 20 октября 1928 г. избранные комиссиями кандидаты были представлены к баллотировке на отделениях, а затем и в Общем собрании АН СССР 5 января 1929 г.

Поводом к началу «дела» послужил выход в Праге в октябре 1928 г. второго тома трудов Семинария им. Н. П. Кондакова, посвященного памяти историка искусства акад. Я. И. Смирнова. Том открывался некрологом, автором которого был Жебелев: «Яков Иванович скончался

⁴ Подробнее см.: *Б. С. Каганович*. Указ. соч., 124–144.

⁵ См. характеристику С. Ф. Ольденбурга в воспоминаниях о нем С. А. Жебелева: *Историографические этюды С. А. Жебелева*. Три неизданных мемуара С. А. Жебелева / Публ. И. В. Тункиной и Э. Д. Фролова // *ВДИ* № 3 (1993), 180–182; 200–202.

⁶ Устав Академии наук СССР. Л. 1927, 6.

⁷ *И. И. Шитц*. Дневник «великого перелома» (март 1928 – август 1931). Paris 1991, 25; 59–60 (записи от 8 мая и 6 октября 1928 г.).

⁸ *И. К. Луппол*. К выборам в Академию наук СССР // *Научный работник* № 11 (1928), 3–9.

10 октября 1918 г., когда у нас началось уже лихолетье <...>. Яков Иванович – „ближайший и наиболее блестящий из учеников Н. П. Кондакова“, как его охарактеризовал наш общий с Яковом Ивановичем друг и соратник, М. И. Ростовцев; «метод работы Якова Ивановича в области археологии – строгий историко-филологический метод, без каких-либо отклонений в сторону „искусствоведения“, „социологии“ и тому подобных модных течений...»⁹ Этих нескольких фраз оказалось достаточно, чтобы разыгрался политический скандал. Помимо Жебелева, в сборнике приняли участие еще 14 советских ученых, в том числе ленинградцы академики В. В. Бартольд и И. Ю. Крачковский, члены-корреспонденты АН СССР искусствовед Д. В. Айналов и археолог А. А. Спицын, сотрудники ГАИМК и Эрмитажа Н. П. Сычев (бывший директор Русского музея), С. Н. Тройницкий (первый демократически избранный директор Эрмитажа, 1918–1927), М. В. Малицкий, Е. О. Костецкая, К. К. Романов, Л. А. Мацулевич, А. Н. Кубе, а также москвичи – историк древнерусского искусства и реставратор проф. А. И. Анисимов, нумизмат А. В. Орешников и живший в Тбилиси искусствовед Г. В. Чубинашвили (Чубинов). В том же томе была издана статья акад. М. И. Ростовцева¹⁰ «„Скифский“ роман» с преамбулой, носящей политический оттенок: «Сборник в память Якова Ивановича Смирнова! Больно думать, что, не будь происшедшего „переворота“ и всего с этим „переворотом“ связанного: голода, отчаяния, разочарования в настоящем и будущем, Яков Иванович был бы еще с нами и мы писали бы статьи в его честь, а не в его память» (статья датирована 8 января 1928 г.).

Обстоятельства, связанные с «делом Жебелева» нашли отражение в неизданных дневниках жены неперменного секретаря АН СССР С. Ф. Ольденбурга, Елены Григорьевны.¹¹ Согласно ее записям, первые

упоминания о начавшемся «деле» относятся к 16 и 18 ноября 1928 г., когда неперменный секретарь АН СССР Сергей Федорович Ольденбург встречался в Москве с управляющим делами СНК СССР, членом Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями (Ученого комитета) ЦИК СССР Н. П. Горбуновым и начальником ОНУ при СНК СССР Е. П. Вороновым, которые поставили вопрос об исключении Жебелева из Академии наук и Академии материальной культуры в связи с его «антисоветскими высказываниями» в эмигрантском журнале: «Сергей очень горячо возражал <...>, говоря, что сначала надо разобраться в этом вопросе и затребовать объяснения от самого Жебелева. <...> Горбунов сказал, <...> что первоначально должна быть беседа с Жебелевым, который должен дать исчерпывающие объяснения, и что эти объяснения должны быть напечатаны. Сообразно тому, *какого рода* (курсив мой. – И. Т.) будут объяснения Жебелева, так будет поступлено и в дальнейшем относительно его».¹² Недовольством руководящих работников СНК и Главнауки немедленно воспользовались недруги Жебелева – группа промарксистски ориентированных ленинградских ученых, требовавших исключения академика из АН СССР и ГАИМК, снятия со всех административных постов и т. п. Невольным зачинщиком разразившегося скандала стал импульсивный И. А. Орбели, в то время член-корреспондент АН СССР, недовольный некоторыми выражениями в пражской статье Жебелева, в частности, фразой о том, что «ненапечатанные материалы Я. И. Смирнова, как ему известно, находятся у И. А. Орбели (этими словами, по мнению Орбели, Жебелев набросил на него тень), – писала Е. Г. Ольденбург. – Орбели стал повсюду кричать о статье Жебелева, указывая на ее несоветский тон, толкая неудачные выражения и т. д. Своими криками он обратил на эту статью внимание коммунистов Эрмитажа, <...> и дело пошло».¹³

записывала важнейшие события в жизни АН СССР, ГАИМК, Эрмитажа и других учреждений науки и культуры Ленинграда. О ней см.: Б. С. Каганович. Указ. соч., 127–128.

¹² ПФА РАН, ф. 208, оп. 2, л. 57, л. 28 – 28 об.; 29. Далее в дневнике: «Горбунов сказал, что вообще об Академии наук вопрос стоит так: работники Академии наук <...> и не знают, какое давление идет на Отдел научных учреждений при [СНК] СССР относительно Академии наук, которая живет своею отдельною обособленною жизнью, – что далее так продолжаться невозможно (здесь и ниже сохранены особенности синтаксиса публикуемых источников. – Ред.), что <...> Академия наук должна показать свое отношение к советской действительности, что и выльется в выборах. Если выборы покажут, что Академия наук не идет с советской общественностью, то тогда с нею будет поступлено, как она этого заслужила, – не советская Академия наук существовать не может...» (Там же, л. 29).

¹³ ПФА РАН, ф. 208, оп. 2, л. 57, л. 30.

⁹ С. А. Жебелев. Яков Иванович Смирнов // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием им. Н. П. Кондакова. Т. 2. Прага 1928, 1–16.

¹⁰ Ростовцева, Жебелева и Смирнова связывала долготелетняя дружба еще со студенческих лет. Именно М. И. Ростовцев при избрании С. А. Жебелева в действительные члены АН СССР в частных письмах коллегам подверг резкой критике выдвинутые против него обвинения в плагиате и поддержал кандидатуру друга, что при голосовании в Академии перевесило чашу весов в пользу Сергея Александровича. Подробнее см.: И. В. Тункина. М. И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман. М. 1997, 95–99; Письма М. И. Ростовцева С. А. Жебелеву, Ф. И. Успенскому и Н. Я. Марру / Публ. И. В. Тункиной // Там же, 369–408; М. И. Ростовцев. «Скифский» роман // Там же, 135–138.

¹¹ Ольденбург Елена Григорьевна (урожд. Клеменц, по первому браку Головачева; 1875–1955), вторая жена С. Ф. Ольденбурга, с начала 1920-х гг. вплоть до 1952 г. работала в Отделе древностей – Отделе Востока Эрмитажа. С 1924 г. вела дневник, где почти ежедневно

Вернувшись в Ленинград, Ольденбург 20–21 ноября 1928 г. трижды встречался с Жебелевым для конфиденциальных бесед. Непременный секретарь откровенно объяснил коллеге, что выход один: публично покаяться и отречься от Ростовцева, чтобы не подставить под удар Академию наук и ГАИМК, и таким образом избежать угрозы исключения из числа действительных членов АН СССР. Сделать это можно было одним способом – написать объяснительное письмо в Главнауку, предназначенное для опубликования в советской прессе. 21 ноября Жебелев принес требуемое письмо, текст которого «привел в ужас» Ольденбурга – «многоречивое, бестолковое, не по существу, – писала Е. Г. Ольденбург. – Теперь придется самому Сергею составлять проект письма и объяснения для Жебелева, а тому только переписать <...> Может быть, придется уговорить его, чтобы он поступил так, как ему советует Сергей, и не упрямился...»¹⁴

21 ноября Ольденбург имел «предварительную и горячую» беседу с председателем ГАИМК, председателем Центрального совета СНР акад. Н. Я. Марром: «Н. Я. Марр откровенно зол на Жебелева, считая, что Жебелев страшно испортил всем в Академии материальную культуру своей статьей. Теперь Марр гремит против Жебелева, и сегодня вечером его будут выставлять из Секции научных работников. Сергей этого допустить не может, т. к. считает этот образ действия крайне вредным вообще для всей русской интеллигенции...»¹⁵

События развивались стремительно – в тот же день вечером в Москве и Ленинграде состоялись заседания Бюро СНР при Правлении союза работников просвещения СССР, постановившие исключить Жебелева из состава АН СССР на основании параграфа 22 нового устава за участие «в специфически эмигрантском издании», как направленном «во вред интересам СССР». На внеочередном собрании Московского

бюро СНР основным докладчиком являлся философ-марксист, профессор МГУ И. К. Луппол, автор официозных статей от имени Главнауки с открытыми нападками на Академию наук и дореволюционную научную интеллигенцию. В обсуждении приняли участие профессора С. А. Зернов, А. М. Фишгендлер, В. П. Волгин и др. Бюро секции единогласно квалифицировало действия Жебелева «как сознательное политическое выступление»: «Участие в эмигрантских изданиях, сопровождающееся к тому же политическими выпадами против СССР, несовместимо с достоинством советского ученого». Бюро подчеркнуло, «что из числа действительных членов АН СССР до сего времени не исключены такие академики, которые, подобно П. Б. Струве и Ростовцеву, предпочли научной деятельности в СССР активную и руководящую работу в различного рода эмигрантских изданиях».¹⁶

На заседании Ленинградского бюро СНР, длившемся более четырех часов, присутствовали С. Ф. Ольденбург, Н. Я. Марр, И. А. Орбели. Е. Г. Ольденбург со слов мужа записала: «Заседание было закрытое. Сначала выпустили, как выражается Сергей, мелкоту против Жебелева, затем пошли уже крупные <...>. Но тяжелый тон дали заседанию речи <...>, которые, как выразился Сергей, носили „подхалимский“ характер, такое гнусное забегание вперед перед советской властью лиц, которые при царском режиме были прямо что черносотенцы. Так говорил Кораблев,¹⁷ в том же духе Державин. В конце концов все голосовали, исключая троих – Сергея, Орбели и Глушкова Виктора Григорьевича, – за исключение Жебелева из Секции научных работников. Хорошо говорил Марр, и т. к. он торопился ехать в Москву, ему было дано слово вне очереди, но, к сожалению, до голосования он не смог досидеть. Хорошо говорил за Жебелева и И. А. Орбели. Я понимаю его – в порыве своей такой несдержанной злобы <...> рассудок его молчит <...>, и он может слепо и гадко навредить человеку. Но когда этот шквал пройдет, чувство присущей

¹⁴ Там же, л. 34–34 об.; 39.

¹⁵ Там же, л. 31 об.–32. В тот же день Е. Г. Ольденбург со слов мужа записала о частном совещании академиков у президента АН СССР А. П. Карпинского в связи с выборами коммунистов: «Очень хорошо говорил В. И. Вернадский, умно <...>, что при создавшемся положении надо действовать так, чтобы спасти Академию наук, что на академиках ляжет ответственность за Академию наук, что хотя он не смотрит розово на то, что ожидает Академию наук при новом составе и новой жизни, что будут, конечно, огромные трения и затруднения, но что иначе действовать, серьезно учитывая создавшееся положение, нельзя. Его тон и дал господствующее настроение <...> С циничным предложением выступил Крылов <...>, и он говорил, что <...> пусть Сергей Федорович заявит, что „приказ так поступать“ и дело кончено... В общем, было принято предложение Вернадского» (Там же, л. 31–31 об.).

¹⁶ Известия. 1928. 22 нояб.; 23 нояб.

¹⁷ Кораблев Василий Николаевич (1873–1936) – филолог-славист, публицист, автор трудов по сравнительно-историческому изучению славянских литератур. Преподавал в гимназиях и различных вузах Петербурга–Петрограда–Ленинграда. Помощник главного редактора «Правительственного вестника» (1906–1915). Как человек правых взглядов, в своей публицистике пропагандировал идеи монархизма и панславизма. В советское время вместе с Н. С. Державиным резко изменил взгляды и стал «советски настроенным человеком». Арестован в 1934 г. по делу «Российской национальной партии» («делу славистов»), активно помогал следствию, давая обширные показания; осужден на 10 лет ИТЛ с заменой на высылку, которую отбывал в Алма-Ате, где и умер.

ему доброты возьмет вверх, заговорит и рассудок, — но часто дело бывает сильно испорчено прежними злобно-ненавидистыми порывами. Так, я думаю, дело было и здесь...» С. Ф. Ольденбург «главным образом настаивал на том, чтобы пока не исключали Жебелева, дали возможность появиться в печати его объяснениям по поводу статьи, тем объяснениям, которые Жебелев представил Сергею по его просьбе, для отправления в Москву Горбунову. Об этом не хотели слушать, указывая на то, почему Жебелев эти объяснения давал только Сергею, а почему не публично? Сергей справедливо думает, что теперь исключение Жебелева из СНР повлечет за собою его дальнейшую травлю, уже как члена Академии наук...»¹⁸

В протоколе заседания Ленинградского бюро СНР зафиксированы высказывания участников обсуждения. Представляется важным процитировать наиболее характерные выдержки из этого документа, сохранив его стиль, точно характеризующий дух того времени. Председательствующий на заседании секретарь Ленинградского бюро СНР, политпросветработник, профессор биологии В. А. Зеленко акцентировал внимание на том, что статья Жебелева «сопоставляется с помещенной в том же сборнике статьей Ростовцева, содержащей выпады против революции и Советской республики...» Профессор Института народного хозяйства В. Н. Кораблев: «Мы должны оценить позорное выступление наших научных работников как политическую и тактическую глупость. Особое внимание останавливает на себе участие трех академиков Всесоюзной Академии наук (В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, С. А. Жебелев. — *И. Т.*), той Академии, на которую теперь, в связи с новыми выборами, обращено внимание всех трудящихся Союза. Таким научным работникам, особенно же С. А. Жебелеву, не место в рядах академиков Всесоюзной Советской Академии наук и к ним должна быть применена статья 22-я нового Устава Академии». Кораблев внес предложение сурово осудить участников сборника и выразить резкое возмущение против действий трех академиков. Профессор трудового права ЛГУ В. М. Догатов охарактеризовал Прагу «как приют махровой белой эмиграции»: «Советские ученые должны быть с нами и не допускать себя до таких <...> неосмотрительных выступлений, или же открыто перейти в стан врагов». Профессор Военно-медицинской академии В. П. Осипов: «Несмотря на то, что мы вступили в 12-й год Революции, нашлись люди, которые оказались неспособными оценить

предпринятого шага, печатая статьи за границей». Преподаватель политэкономии в ЛГУ В. В. Рейхардт выступил за «самое решительное осуждение без всяких поправок с вытекающими <...> организационными выводами». Профессор ЛГУ Н. С. Державин поддержал тон коллег: «У нас не может быть двойственности. У СНР, в частности, у Бюро, не может быть никаких колебаний. Было очень неосторожно посылать свои статьи в сборник в Прагу. <...> Совершенно недопустимо для научного работника бросаться в омут (Запад) без достаточных гарантий, что сборник, в котором принимает участие, будет советский. Есть, впрочем, ряд лиц, по отношению к которым не стал бы употреблять слова „товарищ“, с которыми есть ясное идеологическое расхождение <...>. Поведение всей группы участников сборника должно быть строго осуждено...» Ректор ЛГУ проф. М. В. Серебряков указал, что поступок Жебелева находится в резком противоречии со званием действительного члена АН СССР.

Единственными, кто пытался хоть как-то смягчить тон осуждения Жебелева, стали его коллеги по АН СССР, ГАИМК и Эрмитажу Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, И. А. Орбели, а также товарищ председателя Постоянной комиссии по изучению естественных производительных сил АН СССР, директор Российского гидрологического института В. Г. Глушков. Марр призвал быть объективным и внимательным к «оступившимся» коллегам, призвав вести борьбу «не против лиц, а против фактов»: «Особый характер статья Жебелева приобрела благодаря тому, что оказалась в таком окружении <...>. Есть письмо Жебелева, в котором он возмущен расценкой его статьи как антисоветского выступления. <...> Мы имеем достаточный иммунитет, чтобы не придавать значения всяким выпадам за рубежом». С. Ф. Ольденбург заявил: «Фактически, конечно, безразлично, где напечатана статья, важно то, что в ней сказано <...> Мы должны отметить самый факт, перед нами ошибка». Ольденбург не согласился с предложением В. Н. Кораблева, настаивая на публикации объяснений Жебелева в печати. И. А. Орбели, в отличие от большинства выступающих, призвал «к осторожному и справедливому отношению, которого заслуживают участники <...> сборника, может быть и не рассчитывавшие на возможность попасть в столь отвратительное соседство. Хотелось бы, чтобы все это дело не представлялось коллективным делом участников...», а о статье Жебелева сказал, что она «не продукт его настроений, а лишь его странной и порой возмутительной манеры выражаться»: «В части, касающейся Жебелева, для нас важнее не кары для него, а искоренение отвратительного впечатления от статьи, предоставив ему печатно осве-

¹⁸ ПФА РАН, ф. 208, оп. 2, л. 57, л. 32 об.—39.

тить положение». В. Г. Глушков предложил дать всем участникам сборника возможность объясниться, прежде чем навешивать на них ярлыки «антисоветских внутренних эмигрантов».

Резюмировал итоги заседания доцент психологии ЛГУ М. Я. Басов: «Наметились же две тенденции: одна, ищущая смягчающих обстоятельств, другая – безоговорочного осуждения. Мы как общественная организация <...> должны осудить его. <...> Пусть другие ищут смягчающих вину обстоятельств, мы же скорее должны выступить в роли прокурора и требовать применения решительных мер». Басов потребовал поставить вопрос об исключении Жебелева из членов СНР. В ходе голосования были приняты следующие решения: «1. Выразить осуждение всем ленинградским научным работникам, принявшим участие в сборнике *Seminarium Kondakovianum* (принято единогласно); 2. Признать, что статья С. А. Жебелева приносит вред Союзу Советских Социалистических Республик (принято всеми против одного); 3. Исключить из числа членов СНР С. А. Жебелева (принято при трех против и двух воздержавшихся); 4. Констатируя, что статья С. А. Жебелева, помещенная в сборнике *Seminarium Kondakovianum*, приносит явный вред СССР, Ленинградское бюро СНР полагает, что этот факт несовместим со званием действительного члена Академии наук СССР и что к нему должна быть применена ст. 22 Устава Академии».¹⁹

«Конечно, Жебелев виноват <...>, – размышляла Е. Г. Ольденбург после рассказа мужа о заседании СНР, – он человек честный <...> Его отношение к советской власти лояльное, и в сущности, конечно, он мог давно быть за границей и работать там, и если он остался в Советской России, то потому, что он, конечно, за новую Россию, но он <...> считает возможным, будучи советским гражданином, работать в журнале, которым руководит белогвардеец Ростовцев. За... [это] он и пострадает. <...> Голосуя за Жебелева вместе с меньшинством таким незначительным, Сергей голосовал со всеми за вынесение порицания лицам, которые участвовали в этом сборнике, т. е. Крачковскому, и Бартольд, и другим <...>. Там много статей наших эрмитажников, это уже ученая „мелкота“, и Сергей боится, чтобы она не пострадала. Ночь эту Сергей почти не спал, ему вспоминается все это вчерашнее позорное заседание, и он представляет себе, как сегодня вечером наша вечерняя „Красная“ (газета. – И. Т.) подхватит это заседание и разнесет его, а на зав-

тра оно уже будет в московской „Правде“ и покатится повсюду. Какое трудное, невыносимо тяжкое время!»²⁰

Опасения Ольденбурга оправдались – буквально все центральные и местные газеты, начиная с 21 ноября, стали выходить с заголовками: «Исключение акад. С. А. Жебелева», «Исключить из состава», «Антисоветское выступление академика С. А. Жебелева», «К выступлению советских академиков в эмигрантском сборнике», «О поступке академика С. А. Жебелева», «Симптом опасной болезни», «Еще о поступке акад. С. А. Жебелева», «Московские ученые о выступлении акад. Жебелева», «Научные работники – против Жебелева: Академику Жебелеву – не место в Академии наук», «Общественное лицо Жебелева», «Академик Жебелев должен быть исключен из состава Академии наук», «Отпор притаившимся: Громадное большинство советских ученых против вылазки гг. Жебелевых», «ВАРНИТСО о выступлениях некоторых ученых в эмигрантской прессе», «Вредителям советского строительства не место в Академии наук СССР», «Дело академика Жебелева», «Антисоветская работа под флагом науки: Протест РАНИОН» и т. п.²¹ В печати началась масштабная кампания против Жебелева и всех участников пражского сборника, обвиненных в пособничестве эмигрантским кругам.

Судя по сохранившимся документам, выступления участников на заседании бюро СНР в Ленинграде в газетных публикациях были представлены превратно. Например, выступление Н. Я. Марра сводилось к следующим словам: «Никакой грязью, никакой клеветой нельзя опровергнуть то единение, которое существует между трудящимися массами СССР и советскими учеными. СНР должна поднять свой голос, как представитель советской общественности, против этого недостойного выпада. Поступок Жебелева должен быть осужден со всей резкостью».²² После появления первых газетных публикаций о «деле Жебелева» Ольденбург уже 22 ноября 1928 г. запросил у секретаря Ленинградского бюро СНР В. А. Зеленко копию протокола заседания бюро от 21 ноября, собираясь отправить в газеты, в частности в централь-

²⁰ ПФА РАН, ф. 208, оп. 2, д. 57, л. 32 об.–39.

²¹ Красная газета. Веч. вып. 1928. 22 нояб.– 20 дек.; Известия. 1928. 22–25 нояб.; 1 дек.; Правда. 23 нояб.; Экономическая жизнь. 1928. 23–25 нояб.; Ленинградская правда. 1928. 23–24 нояб.; Смена. 1928. 24 нояб.; Рабочая Москва. 1928. 23 нояб.; Вечерняя Москва. 1928. 22–24 нояб.; Харьковский пролетарий. 1928. 21 дек., и др. См. также: ЦГА СПб, ф. 6307, оп. 11–1928, д. 81, л. 1–24.

²² Известия. 1928. 23 нояб.

¹⁹ ЦГА СПб, ф. 6307, оп. 11–1928, д. 32, л. 92–97.

ный печатный орган ВКП(б) «Правду», опровержение, но впоследствии своего намерения не осуществил.²³

Попытавшись выйти из патовой ситуации, Жебелев последовал советам Ольденбурга и покался в содеянном не без тяжких нравственных потерь: ему пришлось публично отречься от Ростовцева и таким образом засвидетельствовать свою лояльность советской власти. Запись Е. Г. Ольденбург от 22 ноября: «Утром Жебелев был у Сергея и принял его редакцию письма в Москву». ²⁴ Это документально подтверждает факт, что покаянное письмо Жебелева к Ольденбургу написано под диктовку последнего. Его подлинник датирован 20 ноября, но фактически оно было написано двумя днями позднее, 22 ноября 1928 г. Публикую его текст.

Дорогой Сергей Федорович! Из имевшего место сегодня разговора я понял, что ряд выражений, употребленных мною в статье о Я. И. Смирнове, вызвал совершенно превратное толкование и заставил счесть меня нелояльным советским работником и гражданином. Считаю, что своею 11-летней неустанною работою не только научною, но особенно самую трудную и ответственною организационною и административною, в советских учреждениях, я приобрел право на доверие и на уважение к моей работе, я не могу не выразить полного недоумения, что моим словам могло быть приписано совершенно иное значение, чем то, какое я имел в виду. Я заявляю категорически, что под словом «лихолетье» я, советский работник, не разумел и, конечно, и не мог разуметь революцию, а только то тяжелое по отношению особенно к научному печатанию, а потом вообще – материальное положение, в котором оказались все в период оккупации и гражданской войны. Мои слова о М. И. Ростовцеве как о «друге и соратнике» Я. И. Смирнова и моем относились к тому времени, когда мы работали вместе до революции. Я, конечно, не имел в виду теперешнее время, когда М. И. Ростовцев покинул родину и занял враждебную позицию по отношению к тому советскому строю, на который сознательно работаю я. Наши пути поэтому разошлись и потому ни сотрудничества, ни дружбы у нас быть не может. Полагаю также, что только сознательное нежелание понять ту скорбь о покойном моем друге Я. И. Смирнове, которую я выразил в заключительных словах статьи, могло побудить людей, недоброжелательно ко мне относящихся, истолковать и эти слова как выражение моего отрицательного отношения к советскому строю. Повторяю прямо, да, с Я. И. Смирновым все трудное, что пришлось пережить его друзьям за эти годы, переживалось бы легче

²³ ПФА РАН, ф. 2, оп. 17, л. 201, л. 60.

²⁴ ПФА РАН, ф. 208, оп. 2, л. 57, л. 39.

в совместной работе с этим замечательным человеком (так. – И. Т.). Горько и тяжело, что каждым словом, сказанным мною под влиянием чувства глубокой утраты от потери друга, желают воспользоваться для того, чтобы «заклеймить меня». Полагаю, что для Вас, по крайней мере, мои объяснения будут убедительны. Вы меня знаете десятки лет и знаете, что я честный, не кривящий душою человек. Вижу теперь, что одну ошибку сделал несомненно: я не должен был давать статью в зарубежное издание, где она могла появиться, что и случилось, наряду со статьями антисоветских ученых. Вы больше, чем кто-либо, знаете, что я хотел и хочу работать по задачам нашего советского строительства. Душевно Вам преданный С. Жебелев.²⁵

В тот же день из Москвы пришла спешная бумага за подписью заведующего ОНУ при СНК СССР Е. П. Воронова с вопросом – «не считает ли Академия наук СССР противоречащим ст. 1 или соответствующим смыслу ст. 5 своего Устава факт сотрудничества ее научных работников в заграничных эмигрантских изданиях типа пражского *Seminarium Kondakovianum*. Одновременно, в связи с помещенной в последнем выпуске названного издания статьей ак. Жебелева, содержащей в себе ряд антисоветских выпадов, Отдел просит уведомить его, не считает ли Академия наук СССР правильным реагировать на это путем отозвания ак. Жебелева со всех занимаемых им в настоящее время по Академии наук административных должностей и постановкой вопроса о лишении его, в соответствии с ст. 22 нового устава, звания действительного члена Академии».²⁶

Сразу же было созвано экстренное заседание Президиума АН СССР для рассмотрения ситуации, сложившейся в связи с постановлением Ленинградского бюро СНР. Административное руководство сознательно пошло на прямой подлог документов, предназначавшихся Президиумом АН СССР для отправки в центральные органы власти и управления наукой: задним числом был составлен протокол заседания Президиума Академии от 20 ноября 1928 г., где якобы было «доложено заявление ак. Жебелева об освобождении его от исполнения обязанностей директора Библиотеки в виду возложенного на него поручения по редактированию „Византийского временника“ и вследствие необходимости закончить обработку некоторых личных научных работ. Постановлено: <...> признавая причину, вызвавшую заявление акад. Жебе-

²⁵ ПФА РАН, ф. 2, оп. 17, л. 201, л. 81–81 об. Автограф С. А. Жебелева.

²⁶ Там же, л. 87.

лева, уважительной, освободить его с сего числа от исполнения обязанностей директора Библиотеки, доложив об этом ближайшему Общему собранию».²⁷ О том, что такое заседание именно 20 ноября не собиралось, свидетельствуют три факта: литерный номер протокола (№ 64 а); подписи на документе – только А. П. Карпинский, С. Ф. Ольденбург и А. Е. Ферсман, хотя в числе присутствующих обозначены также А. Н. Крылов (22 ноября он находился в командировке в Москве) и И. Ю. Крачковский; отсутствие упоминаний о заседании с такой пометкой в дневнике Е. Г. Ольденбург.

22 ноября (протокол № 64 б) на заседании Президиума (в лице А. П. Карпинского, С. Ф. Ольденбурга, А. Ф. Иоффе, А. Е. Ферсмана и И. Ю. Крачковского), созванном по результатам голосования в СНР, было доложено отношении ОНУ при СНК СССР и рассмотрено письмо Жебелева к Ольденбургу. Президиум вынес решение: «1. Считать, что участие советских ученых, а следовательно и сотрудников АН СССР, в каких-либо эмигрантских изданиях недопустимо, что и поставить на вид участникам сборника *Seminarium Kondakovianum* из числа сотрудников Академии; 2. Признать выступление акад. Жебелева неправильным и поставить ему на вид недопустимость подобных действий; 3. В виду 11-летней неутомимой работы акад. С. А. Жебелева на пользу советского строительства и представленных им Президиуму объяснений по настоящему делу считать, что нет оснований для применения к нему ст. 22 Устава АН; 4. Протокол настоящего собрания с копиею письма акад. Жебелева послать срочно Отделу научных учреждений».²⁸ Все требуемые властями документы в тот же день были направлены в Москву.²⁹ «Президиум постановил, – писала Е. Г. Ольденбург, – что недопустимо членам АН принимать участие в заграничных белогвардейских журналах и выразить им свое недоверие. Из таких членов было двое – Бартольд и Крачковский. Крачковский как член Президиума должен был сам подписать это постановление, но было отказался и предложил снять его как секретаря-академика II Отделения. Тогда вступился Жебелев и очень хорошо сказал, что он страшно благодарит товарищей за оказанную ему поддержку в такие трудные для него моменты, а затем, обратившись к Крачковскому, сказал ему очень ласково, но настойчиво, что он не должен отказываться пока ни от чего, а должен сделать то, что от него просят. Вообще Сергей говорит, что Жебелев поразитель-

тельно хорошо ведет себя, умно и благородно, что очень трудно в его положении».³⁰

Благодаря энергичному заступничеству неперменного секретаря АН СССР С. Ф. Ольденбурга, обратившегося за поддержкой в самые высокие партийные и государственные инстанции, АН СССР сумела отстоять коллегу от грозившего ему изгнания из Академии. 22 ноября Ольденбург отправил личные письма на имя члена Политбюро ЦК ВКП(б) и редактора «Правды», одного из кандидатов к избранию в действительные члены АН СССР Н. И. Бухарина и управляющего делами СНК СССР Н. П. Горбунова. Бухарину он писал следующее: «Полагаю, что Вам не безразличны наши дела. Вокруг Жебелева поднялось то, что правильнее всего назвать травлей. Из бестактного, непродуманного поступка сделали преступление и хотят карать честного, добросовестного, ценного научного работника. Убежден, что так поступать нельзя. И без того трудностей много в сложной жизни громадного нового <...> творчества. Не надо их еще усугублять и осложнять придирками и травлями. Если Вам нужны еще разъяснения, охотно их дам. Вы, надеюсь, скоро уже примете более непосредственное участие в нашей нелегкой работе, хотел бы поэтому знать Ваше мнение по данному вопросу».³¹ Послание Ольденбурга Н. П. Горбунову содержит пересказ решения Президиума от 22 ноября: «Письмо Жебелева может быть, разумеется, напечатано где Вы сочтете это желательным. Мне пришлось в Ленинградской Секции научных работников встретить по настоящему вопросу тягостную предвзятость, так как не пожелали даже получить, как я это предлагал, личные объяснения Жебелева. Мы считаем, что единственное правильное решение в этом деле то, которое принято Президиумом».³²

Собрания с протестами против пребывания Жебелева в числе действительных членов и требованиями скорейшей «советизации» АН СССР прокатились по всей стране, наглядно продемонстрировав академиком то, что ожидает их в случае неизбрания желательных коммунистам кандидатов. 22 ноября в ЛГУ, Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена и других научных учреждениях северной столицы прошли заседания, вынесшие осуждение Жебелеву и всем советским участникам пражского сборника. На собрании профсоюзного актива ЛГУ одним из немногих, кто отказался голосовать против резо-

²⁷ ПФА РАН, ф. 2, оп. 1–1928, л. 191, л. 188.

²⁸ Там же, л. 189–189 об.

²⁹ ПФА РАН, ф. 208, оп. 2, л. 57, л. 39 об.

³⁰ ПФА РАН, ф. 208, оп. 2, л. 57, л. 39–40.

³¹ ПФА РАН, ф. 2, оп. 17, л. 201, л. 62.

³² Там же, л. 64–64 об.

люции, осудившей Жебелева и требовавшей его исключения из Академии наук, был Е. В. Тарле, избранный в число действительных членов АН СССР одновременно с Жебелевым.³³ В ГАИМК прошло расширенное заседание актива объединенной профсоюзной организации Академии истории материальной культуры и Эрмитажа. В его резолюции говорилось, что их сотрудники «решительно отмежевываются от антисоветских выступлений, содержащихся в сборнике, и с удовлетворением отмечают, что С. А. Жебелев не является более товарищем председателя ГАИМК». «В Эрмитаже И. А. Орбели говорил отдельно со всеми лицами, писавшими в журнале, — записала Е. Г. Ольденбург, — затем было собрано общее собрание всех участников журнала в Академии истории материальной культуры. <...> Решили признать свою вину и написать об этом в СНР. Говорят, что Бартольд страшно зол на редакцию журнала, т. к. они не должны были подводить своих авторов».³⁴ Акад. В. И. Вернадский в те дни писал в дневнике: «В Академии материальной культуры научные сотрудники под председательством Орбели вынесли обвинительный приговор Жебелеву и признали секцию научных работников правильной. Орбели уговорил это провести, говоря, что это поможет Жебелеву, так как иначе его будут считать главой контрреволюционного гнезда, находящегося в АМК. Люди сейчас потеряли всякий моральный стыд и идут на всякую подлость, спасая свою шкуру».³⁵

23 ноября, в связи с появившимся в вечернем выпуске «Красной газеты» комментарием об «антиобщественном лице» Жебелева из-за его конфликта с месткомом Академии наук по случаю увольнения им из Библиотеки АН СССР как исполняющим обязанности директора двенадцати сотрудников-общественников во время «рационализации» штатов, гонимому академику опять пришлось давать письменные объяснения, которые, однако, в печати не появились.³⁶ 24 ноября было опубликовано заявление девяти участников пражского сборника, а именно работавших в ГАИМК и Эрмитаже Н. П. Сычева, Н. В. Малицкого, А. А. Спицына, В. Костецкой, К. К. Романова, С. Н. Тройницкого,

³³ Г. Зайдель, М. Цвибак. Классовый враг на историческом фронте: Доклады Г. Зайделя и М. Цвибака о Тарле и Плагонове и их школах и прения на объединенном заседании Института истории при ЛОКА и Ленинградского отделения общества историков-марксистов. М.: Л. 1931. 169–170.

³⁴ ПФА РАН, ф. 208, оп. 2, л. 57, л. 40.

³⁵ Цит. по: Ф. Ф. Перченко. Указ. соч., 184.

³⁶ См. объяснение Жебелева неперменному секретарю АН СССР от 23 ноября 1928 г. в ответ на статью, помещенную в «Красной газете» (1928. 23 ноября. Веч. вып.): ПФА РАН, ф. 2, оп. 17, л. 201, л. 76–76 об.

Л. А. Мацулевича, А. Н. Кубе, Д. В. Айналова: «Направляя год тому назад свои статьи в упомянутый сборник, мы имели лишь в виду почтить своими работами память покойного ученого <...>. Мы совершенно не были осведомлены о составе участников названного сборника и о характере статей в нем, не учитывая вместе с тем возможность, что в какой-либо статье найдут место антисоветские выступления, поскольку были приглашены к участию в сборнике советские ученые <...>. До настоящего дня мы названного сборника не видели, а потому не могли публично высказать свое отношение к характеру некоторых находящихся в нем статей <...>. Если бы нами была предусмотрена возможность каких-либо антисоветских выступлений на страницах этого сборника, то, разумеется, ни один из нас в этот сборник своих статей не дал бы <...>. Направляя настоящее заявление в бюро секции научных работников Ленинграда, мы просим бюро опубликовать его в печати в целях снятия с нас столь тягостного обвинения в участии в сборнике, содержащем, как оказалось, явные выпады против СССР».³⁷

Аналогичное письмо был вынужден написать и И. Ю. Крачковский, с 1922 по 1929 гг. академик-секретарь Отделения гуманитарных наук АН СССР. Он адресовал его Президиуму АН 24 ноября, сообщив, что свою статью ранее докладывал на Коллегии востоковедов, не скрывая, что она будет опубликована в Праге: «Ни у кого из моих коллег это не вызвало тогда осуждения или недоумения <...>. Состав участников, кроме некоторых ленинградских коллег, мне не был известен <...>. Никакой ответственности за другие появившиеся в сборнике статьи, кроме своей собственной, я нести не могу, о чем и считаю нужным довести до сведения Президиума».³⁸

24 ноября Центральное бюро ВАРНИТСО на своем расширенном заседании высказалось в крайне резкой форме: «Такого рода выступления указывают на повышение в последнее время активности правой профессуры. Бюро неоднократно указывало на нетерпимость положения, при котором ученые, занимая командные посты в наших учреждениях, ведут вполне определенную вредительскую работу против социалистического строительства. Средняк, советски настроенный и зачастую более квалифицированный, должен быть продвинут <...>. Бюро полагает, что АН, претендующая на руководящую роль в нашей советской науке, должна резко порвать с теми своими сочленами, кото-

³⁷ К антисоветскому выступлению акад. Жебелева: Заявление девяти профессоров // Красная газета. Утрен. вып. 1928. 24 нояб.

³⁸ ПФА РАН, ф. 2, оп. 17, л. 201, л. 85–86.

рые, нося высокое звание академика <...>, выступают в эмигрантских, враждебных нам органах, забрасывая грязною клеветой наше строительство. В частности, дальнейшее пребывание в числе членов АН Струве, Ростовцева, Жебелева несовместимо со ст. 22 нового устава АН». ³⁹

24 ноября Е. Г. Ольденбург записала: «Эти дни настроение очень нервное. Идет в газетах усиленная травля Жебелева. В Эрмитаже, Академии истории материальной культуры все взволнованы, работа идет плохо, все говорят, совещаются, идут сомнения <...>. Сегодня от Воронова снова бумага – просит прислать копии с протоколов заседаний, на которых были выключены из числа академиков Ростовцев, Струве и др., а протоколов нет, потому что таких заседаний не было. Их просто перестали печатать в книжке в числе академиков. Не было заседаний, потому что внутри самой академии по этому поводу не было достигнуто соглашения – если Сергей настаивал на заседании, то не встретил сочувствия. <...> Интересно отметить, что корреспонденты были у Сергея и Ферсмана, взяли их мнения о Жебелеве, и т. к. оба они дали положительные отзывы, то их не напечатали. Между прочим из Красной газеты <...> сейчас хотел приехать корреспондент за письмом Жебелева к Сергею. Интересно, напечатает ли его?» ⁴⁰

Об мелком манипулировании прессой для травли АН СССР 1928–1929 гг. В. И. Вернадский сообщал сыну Георгию в Нью-Хейвен (США) в письмах из Праги в июне 1929 г.: «...Производит эта травля большое впечатление – хотя все знают, что пишется бесконечное множество неправды. Кстати о прессе. Она бесконечно скучна, лжива и бесталанна. <...> Травля нервнует служащих: опровержения не принимаются, и АН несмотря на все старания этого не удалось сделать. По-видимому, в сложной партийной организации лица, держащие прессу, пользуются этим как своим оружием. Пресса читается, и хотя сильно пало ее значение как верного информатора, несомненно очень влияет и накладывает на страну большой и глубокий отпечаток». ⁴¹ Не менее «глубокий отпечаток» накладывала она на морально-психологическое состояние лиц, оказавшихся в центре скандала. Понимая это, свою солидарность

³⁹ См.: ВАРНИТСО о выступлениях некоторых ученых в эмигрантской прессе // Экономическая жизнь. 1928. 25 нояб.; Советские ученые – против Жебелевых и Ефремовых. Врагам СССР – не место в Академии наук // Рабочая Москва. 1928. 25 нояб.; Хроника // Научный работник № 12 (1928), 111–113.

⁴⁰ ПФА РАН, ф. 208, оп. 2, л. 57, л. 41 об.; 45.

⁴¹ Пять «вольных» писем В. И. Вернадского.... 434–435.

с гонимым коллегой немедленно выразил Г. Ф. Церетели в письме к Жебелеву от 24 ноября 1928 г. из Тифлиса: «Дорогой Сергей Александрович, позвольте мне, Вашему старому другу, выразить свое глубокое возмущение по поводу беспримерной по своей дикости выходке бюро секции научных работников Ленинграда. Правда, от некоторых лиц, фамилии коих я прочел сегодня в газетах, ничего другого и ожидать было нельзя. Тем не менее факт остается фактом, и что другое, как не негодование может возбудить он? Я Вашу статью читал. При чтении ее передо мной ясно вырисовался образ покойного Якова Ивановича, которого все мы так любили, вспомнились мне многие подробности нашей прежней жизни <...>, и хотя в день, когда я читал Вашу статью, на душе у меня было тяжело, эта статья дала мне много хороших переживаний и ощущений, за которые большое спасибо Вам. Пусть вороны каркают! От их вороньего крика и гама никакого толка не будет. Всякий порядочный человек может только одним презрением ответить на поднятую глупо и зря шумиху и крепко, по дружески пожать Вашу руку, что я и делаю. Сейчас я так возмущен и взволнован, что не в состоянии писать больше. Можно только криком кричать!» ⁴²

В газетных публикациях появилось требование, чтобы Жебелев объяснился в своей позиции публично, т. е. написал покаянное письмо не непременно секретарю АН СССР, а в СНР, причем оно должно было быть немедленно опубликовано. Выражалось недоумение, что в коллективном письме сотрудников ГАИМК, участвовавших в пражском сборнике, отсутствуют подписи акад. В. В. Бартольда и И. Ю. Крачковского. ⁴³ Нарком просвещения А. В. Луначарский также не удержался от нападок в адрес представителей «старой науки»: «В последнее время <...> мы имеем факты, показывающие с одной стороны наличие в ученой среде временно затаившихся враждебных элементов, с другой – попытки таких элементов к открытым и полукрытым выступлениям. <...> К числу подобных явлений надо отнести статью акад. Жебелева <...> и кое-какие черточки в статьях других

⁴² ПФА РАН, ф. 729, оп. 2, л. 133, л. 308–309. Г. Ф. Церетели писал П. В. Ернштедту из Тифлиса 28 и 29 ноября 1928 г. о собственных переживаниях в связи с делом Жебелева: «Страдаю за Сергея Александровича, написал ему письмо...»; «...Мне очень хотелось, чтобы Вы пожали от меня руку Сергею Александровичу: у меня болит за него сердце, страшно болит, до ужаса его жалко». См.: ПФА РАН, ф. 877, оп. 3, д. 105, л. 87, 88. О реакции Церетели на публичное покаяние Жебелева и его отречение от Ростовцева документы умалчивают.

⁴³ К выступлению ленинградских ученых на страницах эмигрантского сборника // Известия. 1928. 25 нояб.

участников этого зарубежного издания. <...> Я ни на минуту не сомневаюсь, что здоровая часть наших научных кадров своим резким отпором укажет за границе, что господа Жебелевы ни в коей мере не являются представителями подлинных воззрений наших ученых...»⁴⁴ В те же дни органами ОГПУ были арестованы В. Н. Бенешевич, В. Е. Вальденберг⁴⁵ и А. А. Сиверс.⁴⁶ Эти аресты Е. Г. Ольденбург напрямую связывала с «делом Жебелева», хотя они стали следствием выдвижения их кандидатур на выборах в действительные члены АН СССР – устранив конкурентов в лице ученых «старой школы», власти стремились расчистить дорогу на выборах своим лояльным выдвиженцам.

25 ноября в связи с празднованием 200-летия академической типографии в Ленинград приехали секретарь ЦИК СССР и председатель Комиссии СНК СССР по содействию работам АН СССР А. С. Енукидзе и заведующий ОНУ при СНК СССР Е. П. Воронов. С ними С. Ф. Ольденбург обсуждал обстоятельства разворачивающегося дела Жебелева. В тот день его жена записала: «В душе у меня очень тяжкое чувство против Жебелева. Из-за него арестовали уже троих – Сиверс, Вальденберг и теперь еще Бенешевич! Неужели он не уйдет сам из числа академиков? <...> На мое горячее <...> заявление, что Жебелев должен сам уйти из членов Академии наук, что он подводит учреждение и сколько народу уже село в тюрьму из-за него, Сергей не менее горячо стал мне доказывать, что этого Жебелев ни в коем случае делать не должен, что тогда он страшно напортит Академии, что нельзя же из-за нескольких неудачных выражений гнать человека, что он своею 11-летней работой доказал свою честность и свое отношение к советскому строю. Он говорил очень горячо и взволнованно, указывая, что

⁴⁴ См.: А. В. Луначарский о выступлении акад. Жебелева // Красная газета. Веч. вып. 1928. 24 нояб.

⁴⁵ Вальденберг Владимир Евграфович (Вольдемар Эдуардович, 1871–1941) – византист, специалист по истории политических учений. В 1920-х гг. – профессор ЛГУ, старший библиотекарь, заведующий отделением Библиотеки АН, член Русско-византийской историко-словарной комиссии АН СССР, член коллегии НИИ сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока. Арестован в ноябре 1928 г.

⁴⁶ Сиверс Александр Александрович (1866–1954) – историк-генеалог, нумизмат, архивист; управляющий Нумизматическим отделением Русского археологического общества (с октября 1922 г.). В 1915 г. – камергер, помощник управляющего Главным управлением уделов в придворном штате Министерства императорского двора и уделов. В 1923–1928 гг. работал в Отделе нумизматики и глиптики Эрмитажа как помощник хранителя отделения русских монет. Арестован в ноябре 1928 г., был осужден по «академическому делу». После освобождения работал в Москве в Историческом музее. См.: Т. А. Аксакова-Сиверс. Семейная хроника. Т. 1–2. Париж 1988.

иначе никто не сможет работать и что если Жебелева удалят, то они уйдут все до одного и тогда Академия наук погибнет. Как все это тяжело!» На торжествах Е. Г. Ольденбург беседовала с президентом АН СССР А. П. Карпинским, который был уверен в благополучном исходе «дела» для Академии: «Нет, не тронут... Да и за что? За неудачные слова, фразы?.. А наша вся работа?»⁴⁷

Сравнительно мягкий тон письма Жебелева к Ольденбургу от 20 ноября не устраивал власти, почему оно и не появилось в печати. В личном деле Жебелева сохранилось два варианта объяснительного письма для СНР: первый написал сам Жебелев 25 ноября (на 5 страницах) в ответ на обвинения Луначарского и К^о, второй появился в результате сокращения и редакции первого Ольденбургом⁴⁸ и более резко направлен против Ростовцева – он подписан Жебелевым 26 ноября (на 1,5 листах) и был опубликован в газетах.⁴⁹ Эмоциональное и пространное письмо от 25 ноября, объясняющее позицию Жебелева, никогда не публиковалось, поэтому нахожу нужным привести его целиком:

В заключительных строках помещенной в вечернем выпуске «Красной газеты» от 24 ноября с. г. А. В. Луначарский, говоря о выступлении акад. Жебелева, замечает: «В частности, на мой взгляд, наша общественность вправе ждать от акад. Жебелева объяснений». Вчера же, еще до того, как я прочитал статью А. В. Луначарского, мною передана была одному из сотрудников «Красной газеты» копия моего письма, написанного акад. С. Ф. Ольденбургу 20 ноября с. г. и заключающего мои объяснения по поводу напечатанной мною статьи в издании *Seminarium Kondakovianum*, – с просьбой напечатать это письмо в сегодняшнем номере «Красной газеты». К сожалению, письмо это сегодня не было напечатано. Между тем моим искренним желанием было дать нашей общественности исчерпывающие объяснения касательно как некоторых выражений, допущенных мною в своей статье в издании *Seminarium Kondakovianum*, так и характера самого моего участия в этом издании.

Допущенные мною выражения в моей статье «Я. И. Смирнов» вызвали, как оказалось, совершенно превратное толкование и заставили счесть меня нелояльным советским работником и гражданином. Я горячо протестую против этого и считаю, что своею 11-летней непрерывной

⁴⁷ ПФА РАН, ф. 208, оп. 2, л. 57, л. 45–46 об.

⁴⁸ На то, что Ольденбург заново переписал текст письма Жебелева, которое и было опубликовано, имеется указание в дневнике его жены: ПФА РАН, ф. 208, оп. 2, л. 57, л. 49.

⁴⁹ Письмо акад. Жебелева // Красная газета. Веч. вып. 1928. 30 нояб.

работой в СССР, откуда я ни разу не отлучался (более того, за прошедшие 11 лет я ни разу не воспользовался даже кратковременным отпуском), я, в меру своих сил и умения, достаточно потрудился для нашего Союза. При этом работа моя была не только научной, но и особенно трудной и ответственной организационной и административной работой в наших советских учреждениях: Академии наук, университете, Академии истории материальной культуры – в последней я в течение последних 6 лет занимал должность товарища председателя, Н. Я. Марра, являясь таким образом его ближайшим помощником. Эта моя 11-летняя работа, кажется мне, дает мне право рассчитывать на доверие к себе, почему я и не могу не выразить полного недоумения, что допущенным мною в статье выражением могло быть придано совершенно иное значение, чем то, какое я имел в виду.

Я категорически заявляю, что под употребленным мною словом «лихолетье» я, советский работник, не разумел, и, конечно, не мог разумеать революцию, а имел в виду только то тяжелое, в особенности по отношению к научному печатанию, а потом и вообще – материальной положение, в котором оказались все в период блокады и гражданской войны. Стоит прочесть весь абзац моей статьи, где стоит слово «лихолетье», чтобы убедиться в том, что это «лихолетье» имеет в виду только то создавшееся в ближайшие за концом 1918 года положение, при котором не было возможности напечатать более или менее обстоятельного некролога Я. И. Смирнова.

Мои слова о М. И. Ростовцеве как об «общем-нашем с Я. И. Смирновым» друге и соратнике, относятся к тому времени, когда мы трое работали вместе на научном поприще до революции. Я, конечно, не имел в виду теперешнее время, когда М. И. Ростовцев покинул (еще в 1918 г.) родину и занял враждебную позицию к тому советскому строю, на который сознательно работал и работаю я. Наши пути разошлись, и потому ни сотрудничества, ни дружбы у нас теперь быть не может. В частности, я должен отнестись совершенно отрицательно к тому, что М. И. Ростовцев в своей статье в сборнике *Seminarium Kondakovianum* позволил себе уклониться от строго-научного изложения трактуемых им вопросов и высказывать соображения общеполитического характера, [которым, по моему убеждению, ни в какой научной работе не должно быть места].⁵⁰ Со статьей М. И. Ростовцева я мог ознакомиться лишь после того, как получен был у нас том издания *Seminarium Kondakovianum*.

Полагаю также, что только сознательное нежелание понять ту скорбь о покойном моем друге Я. И. Смирнове, умершем 10 лет тому назад на посту советского работника, которую я выразил в заключительных словах статьи, могло побудить людей, недоброжелательно ко

мне относящихся, истолковать и эти слова как выражение моего отрицательного отношения к советскому строю. Повторяю: да, с Я. И. Смирновым все трудное, что пришлось пережить его друзьям за эти годы, переживалось бы легче в совместной работе с этим замечательным человеком, а моим – с университетской скамьи – другом. Я. И. Смирнову не суждено было дожить до того времени (он скончался 23 октября 1918 г.), когда советская власть, говоря словами А. В. Луначарского, справедливость которых должны признать все советские ученые, «в самые тяжелые свои времена прилагала огромные усилия для улучшения быта ученых и условий их работы».

Мне горько и тяжело думать, что каждым словом, сказанным мною под влиянием чувства глубокой утраты моего друга, желают воспользоваться для того, чтобы «заклеймить меня». Я имел в виду дать в своей статье лишь усиленную характеристику его как ученого и человека и я совершенно далек был от мысли вложить в свою статью какой-либо политический, тем менее антисоветский оттенок. Я писал свою статью без всяких «задних мыслей» и прошу не смотреть на нее как на какое-то с моей стороны «выступление». И направил я свою статью в сборник, посвященный памяти Я. И. Смирнова, хотя и изданный за рубежом, в полной уверенности, что в этом ученом сборнике не может и не должно быть место для каких-либо «выступлений», кроме «выступлений» научного характера.

Сборник вышел в издании *Seminarium Kondakovianum*. Это название дано было тому кружку, который работал под руководством акад. Н. П. Кондакова, у него на дому, в то время, когда он был профессором Карлова университета в Праге. Лица, работавшие под руководством Н. П. Кондакова, как они сами заявляют в изданном ими Сборнике статей, посвященных его памяти (Прага, 1926, стр. 297), после смерти своего руководителя поняли, что они не могут так сразу разойтись и расстаться друг с другом в дальнейшей научной работе, ибо такой разброд означал бы измену памяти Н. П. Кондакова, который объединил их в их творческой научной работе. Так возникло дружеско-научное объединение *Seminarium Kondakovianum*. К годовщине смерти Н. П. Кондакова (в феврале 1926 г.) участники семинария издали посвященный его памяти сборник статей. К участию в этом сборнике был привлечен, между прочим, и я как один из учеников Н. П. Кондакова. Моя статья «Иконографические схемы Вознесения и источники их возникновения» появилась вместе со статьями участников семинария и многочисленных иностранных ученых почти из всех европейских стран. Когда участники семинария задумали издать сборник в память ближайшего ученика Н. П. Кондакова, Я. И. Смирнова, они просили меня написать его некролог. Я не отказался от этого предложения и в этом не раскаиваюсь. Но теперь я вижу, что я несомненно был неправ: мне не следовало давать статью в зарубежное издание, где она могла появиться, что и случилось, наряду со стать-

⁵⁰ Текст, взятый нами в квадратные скобки, зачеркнут.

ями антисоветских ученых. В этом я раскаиваюсь. Акад. С. Жебелев. 25 ноября 1928 г.⁵¹

Окончательная редакция письма, написанного Ольденбургом и подписанного Жебелевым, достаточно лаконична и носит сугубо официальный характер. Именно этот текст впоследствии появился в печати:

...Признаю ошибочным мое участие в сборнике Кондаковского Семинария, так как в нем приняли участие столь определенно антисоветские люди, как М. И. Ростовцев. Но считаю нужным сказать, что, когда я давал согласие участвовать в сборнике в память моего близкого друга и товарища Я. И. Смирнова, я не знал о возможности участия в нем антисоветских ученых. Категорически отрицаю приписываемое мне отождествление революции с лихолетьем: я имел в своей статье в виду исключительно трудности печатания и вообще трудное материальное положение, в котором мы оказались в годы блокады и гражданской войны. Я – советский работник, сознательно принявший революцию и работающий на советское строительство в Союзе уже 11 лет, как должно быть известно всем знающим меня. Слова мои о М. И. Ростовцеве, как «общем нашем с Я. И. Смирновым друге и соратнике», относятся определенно к тому времени, когда мы все трое работали в России и в начале революции в Союзе. Разумеется, что с того времени, как М. И. Ростовцев покинул нас и занял враждебную антисоветскую позицию, наши пути разошлись и он перестал быть мне соратником и другом. Не понимаю, как слова, продиктованные мне горячей любовью к близкому другу, о том, что он мог бы прожить эти десять лет больной, лишенный работоспособности, могли быть истолкованы как политический выпад и нападки на недостаточную у нас заботливость об ученых. А что я дальше сказал, что легче жилось бы с другом, чем без него, то неужели и здесь возможно усмотреть заднюю мысль? У меня ее, во всяком случае, не было. Подвожу итог затянувшемуся объяснению: я – советский ученый, доказавший 11 годами упорного [и], уверен, полезного для советского строительства, труда – научного, организационного и административного – и отождествляющий себя с тем советским строением, в котором я сознательно остался жить и работать. Уверен, что те органы печати, которые обсуждали мои действия, напечатают это мое объяснение.⁵²

⁵¹ ПФА РАН, ф. 2, оп. 17, д. 201, л. 72–74.

⁵² ПФА РАН, ф. 2, оп. 17, д. 201, л. 83–83 об. (письмо от 26 ноября). Здесь же на лл. 72–74 – подлинник письма от 25 ноября.

Текст письма, подписанного Жебелевым, был в тот же день отправлен С. Ф. Ольденбургом в ОНУ при СНК как «предназначенный для печати в качестве публичного его заявления», а 27 ноября – Луначарскому. В письме наркому просвещения Ольденбург подчеркнул: «Я считаю эти объяснения исчерпывающими и думаю, что это дело, значение которого слишком уже преувеличено, могло бы, наконец, получить свое заключение. Письмо С. А. Жебелева было лично прочитано мною А. С. Енукидзе». ⁵³ 26 ноября Е. Г. Ольденбург записала содержание своей беседы с заведующим ОНУ при СНК СССР Е. П. Вороновым: «Я его спросила прямо – когда кончится дело Жебелева? Он сначала притворился, что будто не понял, но я еще настойчивее его просила одно и то же. Он ответил, что <...> будто кто-то из стоящих на советской платформе академиков предлагали исключить Жебелева из членов Академии наук. Я горячо отрицала это и сказала, что насколько я знаю, это предложение идет не от академиков, и дала ему понять, что знаю, что предложение исходит от него. На это он мне сказал: дело пустое, его раздули, оно не стоит выеденного яйца». ⁵⁴

В тот же день начальник Главнауки Наркомпроса М. Н. Лядов направил письмо председателю ГАИМК акад. Н. Я. Марру с требованием, чтобы тот немедленно отстранил своего заместителя С. А. Жебелева от работы. ⁵⁵ 26 ноября было срочно созвано Правление ГАИМК под председательством Марра, в присутствии ученого секретаря ГАИМК И. И. Мещанинова, ученого секретаря Института археологической технологии ГАИМК М. В. Фармаковского и уполномоченной СНР М. А. Тихановой-Клименко. На нем было рассмотрено заявление Жебелева, якобы написанное еще 15 ноября, об освобождении его от должности товарища председателя ГАИМК по собственному желанию, «каковое <...> удовлетворено было Председателем Академии того же числа». Мои усилия разыскать подлинник этого документа ни к чему не привели – и это скорее всего свидетельствует о том, что такого заявления не было и в помине. Марр разъяснил, что, «хотя РАНИОН поручил ему провести перевыборы Президиума лишь после утверждения научного персонала Академии, он не счел возможным дальнейшее оставление С. А. Жебелева в должности товарища председателя и в нарушение устава, поручения РАНИОНа и коллегиальных отношений в самой Академии освободил С. А. Жебелева от означенной должно-

⁵³ ПФА РАН, ф. 2, оп. 17, д. 201, л. 71, 88 и об.

⁵⁴ ПФА РАН, ф. 208, оп. 2, л. 57, л. 51–51 об.

⁵⁵ Красная газета. Веч. вып. 1928. 27 нояб.

сти. Об этом своем решении он осведомил заместителя начальника Главнауки и РАНИОН и получил полное одобрение. <...> Вместе с тем РАНИОН, утвердив Жебелева в должности члена Академии, предоставил председателю Академии полную свободу действий в вопросе о замещении вакантной должности товарища председателя, признав возможным и целесообразным выбор товарища председателя произвести из среды беспартийных научных работников соответственной квалификации, от чего Председатель Академии категорически отказался, указав на необходимость замещения этого поста партийным работником, с тем, однако, условием, чтобы он имел возможность уделять ежедневно достаточное количество времени работе Академии, и, не будучи специалистом, ясно представлять себе ценность и актуальность производимой в Академии работы». Правление ГАИМК постановило сообщить Н. Я. Марра принять к сведению, редактирование очередного тома «Сообщений ГАИМК», ранее находившееся в ведении Жебелева, передать председателю, а представителем Правления ГАИМК в РКК вместо Жебелева назначить И. И. Мещанинова.⁵⁶ Таким образом, Правление ГАИМК повело себя корректнее по отношению к Жебелеву, чем Президиум АН СССР – оно стремилось избежать нападок в адрес коллеги в официальных документах, оберегая его самолюбие.

27 ноября Е. Г. Ольденбург отметила: «Вчера <...> Марр по-грузински говорил с Енукидзе, и разговор был благоприятный для Жебелева. Тут же Енукидзе прочитал письмо Жебелева, которое будет завтра в печати...» На частном совещании академиков у президента А. П. Карпинского обсуждались результаты хлопот Президиума по делу Жебелева, где Крачковский дал свои объяснения по поводу своего участия в пражском сборнике, затем был поднят вопрос о выборах коммунистов в АН.⁵⁷ 28 ноября Президиум АН СССР собрался вновь и заслушал объяснения Жебе-

⁵⁶ РА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 1–1928, л. 7, л. 81–81 об. § 671.

⁵⁷ Там же, л. 51 об.–52. Далее в дневнике: «Вернадский предложил выработать общую формулировку, <...> говорил умно и очень сдержанно. На его слова Иван Петрович Павлов, точно сорвавшись с цепи, крикнул – “Это лакейство, что Вы предлагаете!” <...> Павлов почти кричал, что большевикам надо себя показать, что их нечего бояться, что никаких предварительных сговоров не нужно, что каждый может и должен поступать индивидуально и т. д. <...> Ему поддакивал и Костычев, говоря, что надо класть черняка, что нечего остерегаться, что это пустые слова, запугивание. Также бурчал и старец Иван Парфентьевич (Бородин. – И. Т.), что вот уже 11 лет все пугают и пугают и слава Богу все академики и Академия живут благополучно. И все перемены идут крайне медленно!! Сергей говорит, что ему хотелось крикнуть – Да Вы за нашими спинами, Вам хорошо так говорить! – Горячо вначале говорил Марр, а потом замолчал! <...> Главное, что поразило Сергея, это слова И. П. Павлова, которые повторились Кос-

лева по поводу статьи в вечернем выпуске «Красной газеты» о его отношении к местному АН, а также объяснения И. Ю. Крачковского. Копии заявлений академиков были направлены в Отдел научных учреждений СНК и в редакцию «Красной газеты»,⁵⁸ но в печати не появились. Вечером состоялось заседание Бюро Ленинградского СНР, длившееся свыше трех часов, где были заслушаны заявления девяти участников пражского сборника, зачитаны протоколы заседаний профактивов ГАИМК и ЛГУ, покаянное письмо Н. П. Сычева в адрес В. А. Зеленко с объяснениями причин публикации его статьи в Праге, заявления членов Бюро Р. А. Орбели и Е. С. Рубинштейн «о присоединении их к постановлению Бюро от 21 ноября по данному вопросу», письма в Бюро СНР и Н. Я. Марру акад. Жебелева с просьбой пересмотреть исключение последнего из числа членов секции. Выступившие В. Н. Кораблев и В. В. Рейхардт отметили необходимость оставить в силе принятое 21 ноября решение Бюро. Кораблев обвинил Жебелева в неискренности, поставив ему в вину то, что в 1920 г. в «Русском историческом журнале» им был опубликован некролог акад. Б. А. Тураева, «исполненный христианских чувств с похвалами национально-патриотической деятельности покойного <...> и с утверждением, что Тураеву на том свете уготована как истинному христианину жизнь вечная», где Жебелев, как и в статье памяти Смирнова, писал о невозможных условиях научной работы в Советской России. «Жебелева не нужно изгонять и бойкотировать в научной среде, – говорил Кораблев. – Но оставаться для него в рядах Академии наук в момент, когда к ее деятельности привлечено внимание всех трудящихся СССР, было бы неуместным». На это последовали возражения со стороны Ольденбурга, призывавшего членов Секции поверить искренности заявления Жебелева.⁵⁹ Непременный секретарь вынужден был пойти на явную ложь – по поводу опубликованного в газетах решения ВАРНИТСО о недопустимости пребывания в рядах АН СССР Жебелева и ученых-эмигрантов он заявил, что М. И. Ростовцев и П. Б. Струве уже с 1920 г. не состоят членами Академии наук.⁶⁰ Ленинградское бюро СНР постановило «решение по суще-

тычевым, Лавровым, Перетцем, Бородиным: “Мы же не коммунисты, чтобы о чем-нибудь договариваться заранее, мы действуем свободно, сохраняя каждый свою индивидуальность!” <...> Сергей мне говорит, что у него такое чувство, точно он какой-то камень невыносимо тяжелый катит в гору, и когда кажется, что он этот камень докатил до верха, то камень опять падает вниз!!» (Там же, л. 52–52 об.).

⁵⁸ ПФА РАН, ф. 2, оп. 1–1928, л. 191, л. 190 (протокол № 65).

⁵⁹ Еще о поступке акад. С. А. Жебелева // Красная газета. Веч. вып. 1918. 29 нояб.; Вокруг выступления академика Жебелева // Известия. 1928. 1 дек.

⁶⁰ Известия. 1928. 1 дек.

ству заявления С. А. Жебелева принять на следующем заседании <...>, считая необходимым предварительное ознакомление с первыми двумя томами сборника *Семинариум Кондакованум*».

На том же заседании рассматривалось и заявление аспиранта археолога В. И. Равдоникаса «с просьбой дать указания, считает ли Ленинградское Бюро СНР допустимым участие в финляндском сборнике *Евразия Септентрионалис*, выходящем под редакцией А. М. Тальгрена,⁶¹ в честь А. А. Спицына». Бюро предложило Равдоникасу обратиться в Агенство Народного комиссариата иностранных дел в Ленинграде с просьбой «выяснить характер, состав участников сборника и возможность в нем участия через советское полпредство в Гельсингфорсе».⁶² Таким образом, следствием «дела Жебелева» стал фактический запрет на публикации научных исследований советских ученых в эмигрантских журналах, резкое сокращение их изданий в иностранной научной периодике и прекращение книгообмена, что в конечном итоге привело к самоизоляции советской науки и разрыву научных связей с зарубежными коллегами.⁶³

4 декабря Е. Г. Ольденбург записала: «28 ноября было заседание секции научных работников, где снова Кораблев травил, хотя и с опаской, Жебелева. Державин молчал – видит, что в общем дело „их“ не выгорает. Говорил Сергей и Марр. Назавтра в газетах появился преднамеренно искаженный отчет о вчерашнем заседании. До сих пор не напечатали (т. е. до 29.11) второго письма Жебелева, напечатали его только в пятницу 30.11 по приказу из Москвы. Я слы-

⁶¹ Тальгрэн (Tallgren) Арне Михаэль (1885–1945) – финский историк и археолог, специалист по археологии бронзового и раннего железного века Восточной Европы, член АН Финляндии (1926). Профессор университетов в Тарту (1920–1923) и Хельсинки (с 1923 г.), председатель Финского археологического общества (1930–1942) и редактор его печатного органа *Eurasia Septentrionalis Antiqua* (1926–1938). Неоднократно бывал в России (1908, 1909, 1915, февраль 1917, 1924, 1925, 1928 и 1935), знал лично крупнейших русских археологов, участвовал в археологических раскопках на территории России.

⁶² ЦГА СПб, ф. 6307, оп. 11–1928, л. 32, л. 99–99 об. См. также в д. 81 подлинники заявлений С. А. Жебелева (авторизованная машинопись) от 26 ноября (Л. 25–25 об.), Н. П. Сычева от 22 ноября (Л. 33–33 об.) и В. И. Равдоникаса от 23 ноября (Л. 27) в адрес В. А. Зеленко.

⁶³ Заместитель директора РАНИОН В. М. Фриче в апреле 1929 г. уведомил пражский Семинар им. Н. П. Кондакова: «Коллегия НИИАИ РАНИОН доводит до Вашего сведения, что помещение в выпускаемых Вами книгах выпадов, направленных против СССР, побуждает коллегия отказаться от продолжения обмена изданиями, установившегося между Институтом и семинарием Кондакова». Цит. по: В. Т. Пауто. Русские историки-эмигранты в Европе. М. 1992, 42.

шала отзывы об этом письме, как о письме очень умном и тактичном в политическом отношении. Никто не знает, что письмо почти целиком написано Сергеем – т. е. об этом сразу догадался Воронов, как умный человек, но это совершенно безразлично, кто писал, главное в том, что Жебелев подписал свое имя под письмом, значит, он его признает своим <...>. Хорошо, что дело Жебелева кончилось, ну а другие арестованные в связи с его делом? Они ведь сидят, и сейчас неблагоприятный момент напоминать о них».⁶⁴

Дело Жебелева отразилось на судьбе другого известного ученого, сотрудничавшего с пражским Семинарием им. Н. П. Кондакова. 3 декабря в московских, а 7 декабря в центральных газетах появилось сообщение о заседании Коллегии Научно-исследовательского института археологии и искусствознания (НИИАИ) РАНИОН в Москве, состоявшемся 29 ноября, на котором было вынесено осуждение профессору А. И. Анисимову,⁶⁵ издавшему книгу «Владимирская икона Божьей Матери» в серии «Памятники иконописи» в Праге на средства Министерства иностранных дел Чехословакии и графа В. Н. Коковцова, и статью с тем же названием в томе трудов Кондаковского семинария. Коллегию возмутило то, что в предисловии редактора серии эмигранта Н. А. Беляева подчеркивалась сложность издания научных трудов по древнерусскому искусству в СССР. Эти публикации коллегией были расценены как ненаучные и носящие антисоветский характер, а действия А. И. Анисимова признаны несовместимыми со званием действительного члена института. Коллегия постановила внести в Президиум

⁶⁴ ПФА РАН, ф. 208, оп. 2, д. 57, л. 52 об.–55. Далее в дневнике: «Но главное, чем была занята эта вся неделя – это выборы, выборы, решительный день приближался с каждым часом, и вот завтра уже будут выборы!» (Там же, л. 55). Здесь же подшито подлинное письмо Жебелева Ольденбургу от 3 декабря 1928 г. с выражением искренней признательности за помощь в трудную минуту: «Дорогой Сергей Федорович, третий день я стремлюсь повидать Вас, но все не удается. Повидать же я Вас хотел только для того, чтобы сказать Вам, хотя высказать у меня не хватит, как я признателен Вам за то добросердечное участие, которое Вы приняли, и так энергично, в моем деле. Если бы Ваше сердце и Ваш ум не пришли мне на помощь, очень плохо бы мне пришлось, а теперь пусть будет что будет, но Ваше дружески доброе ко мне отношение навсегда закреплено в моем сердце. Душевно Вам преданный С. Жебелев» (Там же, л. 56).

⁶⁵ Анисимов Александр Иванович (1877–1932, по другим данным 1939?) – историк древнерусского искусства, реставратор. С 1920 г. научный сотрудник Реставрационной комиссии Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса, с 1924 г. – Центральных государственных реставрационных мастерских; действительный внештатный член Научно-исследовательского института археологии и искусствознания (НИИАИ) РАНИОН. Арестован в 1930 г. Погиб в заключении.

РАНИОН предложение о его исключении из числа действительных членов института.⁶⁶

Не удовлетворившись устными объяснениями академического руководства об исключении ученых-эмигрантов из АН СССР, 1 декабря ЦБ ВАРНИТСО постановило просить Академию наук прислать выписку из протокола об исключении из числа академиков Ростовцева и Струве.⁶⁷ Травля Академии наук с требованиями исключить Жебелева из числа действительных членов в печати продолжалась: «Жебелев — не случайность, подобных жебелевскому выступлений мы будем иметь еще не одно <...>. Пусть выплывут на поверхность враги пролетариата, — это позволит <...> очиститься от враждебных, инородных сил...»⁶⁸ 9 декабря Е. Г. Ольденбург записала содержание бесед С. Ф. Ольденбурга, вернувшегося из Москвы вместе с Н. П. Горбуновым: «Настроение тяжелое, Марр остался там (в Москве. — *И. Т.*) до среды, до дня выборов II отделения. Идет определенный поход против интеллигенции, вызванный отчасти и поведением самой интеллигенции, отчасти и трудным политическим моментом. Дело Жебелева еще не кончено. Очень трудно положение Н. Я. Марра, как видно по статье Н. Семашко.⁶⁹ Выходит, что печатают только то, что находят выгодным <...>.

⁶⁶ Антисоветская работа под флагом науки: Протест РАНИОН // Вечерняя Москва. 1928. 3 дек.: Об участии проф. А. И. Анисимова в эмигрантском журнале // Известия. 1928. 7 дек. В личном деле Жебелева сохранилась копия письма Анисимова в Президиум РАНИОН от 7 декабря с протестом против решения коллегии НИИАиИ. Профессор объяснял, что инкриминируемая книга является докладом, прочитанным еще в мае 1922 г. в НИИАиИ и Московском археологическом обществе, а в августе того же года в РАО, где его исследование было высоко оценено. Подготовленная к печати в издательстве Сабашниковых рукопись имела разрешение Главлита, т. е. прошла советскую цензуру и т. п. «Я не могу не остановить внимание Президиума на ненормальности условий, в которых протекало обсуждение моей книги. Коллегия, принимая свое решение, не только не подумала предварительно затребовать от меня объяснений, но почему то поспешила известить немедленно о принятом ею решении все учреждения, где я служу, и даже печать <...>. Даже простого вора-рецидивиста предварительно выслушивают, соблюдая элементарные требования истины и справедливости <...>. Теперь Коллегия института пытается опорочить мое имя как ученого, привлекая для этого в качестве материала тот доклад, который родился в недрах ее же собственной работы». См.: ПФА РАН, ф. 2, оп. 17, д. 201, л. 97–101.

⁶⁷ ЦГА СПб, ф. 7450, оп. 1, д. 2, л. 116–117.

⁶⁸ Требуем исключения из Академии наук! // Красная Татария. 1928. 8 дек.

⁶⁹ Речь идет о статье наркома здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко «Симптом опасной болезни» (Известия. 1928. 7 дек). Резко выступив против «мнимой аполитичности науки», автор отнес Жебелева к стану откровенных контрреволюционеров и потребовал «прочистить атмосферу в наших ученых и учебных учреждениях», призвал бороться с «правыми настроениями» среди ученых. По мнению Семашко, «выступле-

Воронов считает дело Жебелева не оконченным, пока не выскажется „общественное мнение“, т. е. Секция научных работников. А как она выскажется в среду 12-го, уже известно, достаточно помнить о Зеленко. Также против Жебелева и Горбунов. В Москве сочинили, что Сергей читал по радио письмо Жебелева, этому слуху поверил и Ефим Павлович (Воронов. — *И. Т.*), а Абель Сафронович (Енукидзе. — *И. Т.*) сразу сказал, что это вздор... <...> Конечно, если партия не считается со своими, то что же делать с беспартийными? В виду этого надо особенно быть осторожными с выборами 12-го, если будет неблагоприятно, то по мнению Сергея, не пройдет и недели, как последует разъяснение об удалении из числа академиков Жебелева, Карского, Истрина...»⁷⁰ В тот же день С. Ф. Ольденбург беседовал с отдельными академиками и откровенно им разъяснил, что при неблагоприятном для кандидатов-коммунистов исходе выборов положение самой АН СССР крайне ухудшится, и что властями намечены несколько действительных членов по Отделению гуманитарных наук, которые будут немедленно исключены из Академии. При этом одни называли фамилии акад. В. М. Истрина, А. И. Соболевского, П. А. Лаврова и Б. М. Ляпунова, другие — акад. А. И. Соболевского, Н. К. Никольского, С. А. Жебелева и П. А. Лаврова.⁷¹

В эмигрантских газетах, в берлинском «Руле», парижских «Последних новостях» и др. появились статьи под заголовками «„Преступление“ С. А. Жебелева», «Дело академика Жебелева», «Арест ак. Жебелева», грешившие неточностями. В некоторых газетах, например в «Руле», ошибочно утверждалось, что С. А. Жебелев был арестован и сослан в Нарымский край. 10 декабря М. И. Ростовцев с возмущением писал А. А. Васильеву: «Не знаю, сообщили ли тебе наши друзья из Советской России о том, что эти мерзавцы сделали с Сергеем Александровичем. Ты не читаешь эмигрантских газет и потому прилагаю две вырезки. Кроме того, я получил из Советской России вырезку из „Красной газеты“, вырезку того же содержания с припиской: „по инициативе Богаевского“ <...>. В „Красной газете“, очевидно, передано содержание „доноса“ Богаевского, и в этом доносе крупную роль играет то, что профессора из России осмелились сотрудничать в книге,

ние Жебелева и К^о являлось ни чем иным, как «политическим отражением выступления кулака в деревне». «Сейчас мы переживаем такой момент, когда всякий, кто не за нас, — тот против нас», — резюмировал нарком.

⁷⁰ ПФА РАН, ф. 208, оп. 2, д. 57, л. 66–66 об.

⁷¹ П. К. Коковцов. Для установления истины, 151–152.

в которой статья написана таким „махровым белогвардейцем“, как я. Инсинуируется, что Сергей Александрович разделял мою „идеологию“». ⁷²

11 декабря в «Красной газете» появилась статья партийного публициста Д. И. Заславского «Влюбленные антропосы», посвященная делу Жебелева и откликам на нее в немецкой «Фоссише Цайтунг». «Для антропоса, да еще влюбленного, нет на свете выше древнегреческого языка», – писал автор, припомнивший Жебелеву и то, что он состоял одним из редакторов Журнала Министерства народного просвещения, т. е. «был одним из столпов нашего школьного „классицизма“», и то, что за пять лет «лихолетья» он опубликовал семь книг, а «академик Ростовцев, упокоившийся (sic! – *Red.*) ныне в лоне эмигрантовом – книжицу ни много ни мало в 621 стр. под названием *Скифия и Боспор*». Направленность статьи задевала интересы всех академиков – «антропосы не имеют право жаловаться. И если они все же косятся в сторону Праги, в сторону эмигрантских ученых, то не потому, что в Советском Союзе тесно для их науки. Тянут в их сторону политические симпатии, тянет страстишка неискоренимая в людях, которые были при старом строе привилегированными антропосами, статскими и действительными статскими советниками, получали за ученость звезды и ордена, а теперь в советских условиях должны были превратиться просто в ученых с расценкой талантов не по усердию и усидчивости, а по подлинному научному дарованию. <...> Президиум Академии не пожелал применить к академику Жебелеву статью, карающую за выступление, враждебное советской власти. Он удовлетворился конфузным лепетом академика. Академик Жебелев по прежнему украшает собой Академию наук. <...> Если бы у „либеральной“ немецкой газеты была хоть капля добросовестности она отметила бы, что советские ученые нисколько не стеснены в научной своей деятельности, но что советская общественность не может примириться с контрреволюционными вылазками под маской квази-науки». ⁷³

⁷² Г. М. Бонгард-Левин, И. В. Тункина. М. И. Ростовцев и А. А. Васильев: Шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества // Скифский роман. М. 1997, 270.

⁷³ Д. Заславский. Влюбленные антропосы // Красная газета. Веч. вып. 1928. 11 дек. См. также: Д. Заславский. Лихолетие старой науки: о «жебелевщине» // Революция и культура № 23/24 (1928), 20–27. Об этой статье мне любезно сообщил Александр Галушкин (в письме от 23 октября 1997 г.), который заинтересовался «делом Жебелева» в связи аналогичным по характеру «делом Пильняка и Замятина» 1928–1930 гг. Как известно, Пильняк и Замятин были в августе 1929 г. обвинены «Литературной газетой» в сотрудничестве с «белогвардейскими изданиями», после чего последовала боль-

Между тем среди отдельных действительных членов АН СССР нарастало недовольство действиями академического руководства из-за позиции безоговорочного подчинения требованиям властей и публичного самобичевания, занятой в ходе выборов и дела Жебелева. 11 декабря на частном совещании академиков – членов ОГН между непременно секретарем и акад. В. В. Бартольдом состоялся разговор: В. В. Бартольд заявил, что по делу Жебелева было принято решение одного Президиума без созыва Общего собрания, и все академики должны были уже считаться с готовым решением. Возражения Ольденбурга сводились к следующему – «если бы Президиум ждал созыва Общего собрания, то тогда Жебелева давно бы не было среди академиков, что это был <...> момент, когда каждое промедление могло вести за собою катастрофу», – писала Е. Г. Ольденбург. – Затем Сергей еще добавил, что Бартольд так <...> далеко от академических дел, что не улавливает, как иногда дело спешно надо решать и брать на себя ответственность за принятое решение, что не всегда легко и очень неприятно. Но все же Сергей не убедил Бартольда, и он остался при своем». ⁷⁴

Результатом давления на АН СССР стало то, что на выборах по отделениям – в Отделение физико-математических наук 5 декабря и Отделение гуманитарных наук 12 декабря – были избраны все намеченные властями кандидаты. Используя «дело Жебелева» как инструмент воздействия на Академию, ОНУ при СНК СССР и ВАРНИТСО добились решения Общего собрания АН СССР 15 декабря 1928 г. об исключении ученых-эмигрантов из состава своих членов. ⁷⁵ В результате соглашательской позиции Президиума и Общего собрания из АН СССР были изгнаны многие выдающиеся русские ученые, оказавшиеся за границей, в том числе акад. М. И. Ростовцев, П. Б. Струве и др., члены-корреспонденты Н. Н. Глубоковский, А. А. Кизеветтер, Е. Ф. Шмурло и др., почетные академики И. А. Бунин, Ф. Ф. Зелинский и П. Н. Игнатьев.

В преддверии решающего Общего собрания, которое было назначено на 12 января для окончательной баллотировки избранных по отделениям кандидатов, власти решили немного ослабить нажим на АН

шая «проработочная дискуссия», результатом которой стали, с одной стороны, эмиграция Замятина в 1931 г., с другой – публичные покаяния Пильняка; кроме того, была проведена «большая чистка» литературных объединений СССР, что закончилось, в свою очередь, созданием Союза писателей СССР в 1934 г.

⁷⁴ ПФА РАН, ф. 208, оп. 2, л. 57, л. 70 об.–71 об.

⁷⁵ ПФА РАН, ф. 1, оп. 1–1928, л. 250, л. 99–100. Общее собрание, § 245.

СССР и спустить дело Жебелева на тормозах. Опасаясь неблагоприятного решения СНР, 18 декабря Ольденбург обратился с просьбой к В. А. Зеленко перенести заседание бюро Ленинградской секции, где должно было вновь обсуждаться дело Жебелева, на более поздний срок в связи с отсутствием Н. Я. Марра, «столь хорошо знакомого со всеми обстоятельствами указанного дела». ⁷⁶ Но, несмотря на это, заседание, несомненно, по указке сверху, состоялось в намеченный ранее срок. Удовлетворившись объяснениями Жебелева и приняв во внимание позицию академического руководства, однозначно ставшего на защиту коллеги, Ленинградское бюро СНР 19 декабря 1928 г. рассмотрело ходатайство академика о восстановлении его членства в СНР. «Заслушав постановления научных работников по вопросу о сотрудничестве членов Секции и других научных работников в *Семинариум Кондаковиа-нум*, – записано в резолюции, – Ленинградское бюро СНР с чувством глубокого удовлетворения отмечает большую общественную чуткость, проявленную со стороны широких кругов членов секции <...>. В отношении группы научных работников <...>, приславших свои объяснения по поводу участия в *Кондаковском Семинарии*, Ленинградское бюро считает вопрос исчерпанным. <...> Рассмотрев заявление академика С. А. Жебелева, Ленинградское бюро констатирует, что прежняя близость с проф. Ростовцевым и наличие некоторых тревожных показателей в первых выпусках *Семинариум Кондаковиа-нум* могли удерживать от посылки туда своей работы и от пользования такой терминологией, которая стирает границы между эмигрантом и советским ученым, желающим честно отдавать свои силы, опыт и знания трудящимся. Принимая, однако, во внимание то, что академик С. А. Жебелев резко и безоговорочно отмежевался в своем заявлении от белоэмигрантов и от своего бывшего друга Ростовцева, а также несомненное желание оставаться в рядах членов СНР, ленинградское бюро считает возможным, в изменение своего постановления от 21 ноября с. г.: а) восстановить академика С. А. Жебелева членом СНР без перерыва стажа, и б) постановку вопроса о применении к акад. С. А. Жебелеву параграфа 22 Устава Академии наук признать отпавшей». ⁷⁷ Однако решения Ленинградского бюро СНР в пользу Жебелева были опубликованы в печати лишь 21 декабря. ⁷⁸

⁷⁶ ПФА РАН, ф. 2, оп. 17, д. 201, л. 102.

⁷⁷ ЦГА СПб, ф. 6307, оп. 11, д. 32, л. 101; 104–104 об.

⁷⁸ См.: Дело академика Жебелева // Правда. 1928. 21 дек.; То же // Экономическая жизнь. 1928. 21 дек.

Но к тому времени «дело Жебелева» получило международный резонанс. А. М. Тальгрэн обратился с письмом в Главнауку Наркомпроса, заявив о недопустимости политической травли и подавления ученых в СССР. Не дождавшись ответа, он опубликовал письмо 16 декабря 1928 г. в газете «Helsingin Sanomat» под заголовками «Преследование ученых в Советской России. Протест против советских властей. Во имя свободы международных исследований». «Вожди Советской России заявляют, – писал Тальгрэн, – что нынешнее правительство содействует науке и культуре и что оно стремится к широкому участию в международной культурной работе. При такой установке вполне естественно, что ученые, проживающие на территории Советской России, публикуют свои исследования и в заграничных журналах и что в Москве имеется общество культурной связи с заграницей. На территории Советской России имеются выдающиеся ученые, которые пользуются уважением заграничных профессиональных исследователей и которыми народ и его правительство – какое бы оно ни было – смело могут гордиться. В частности, к числу таких ученых относятся и те, которые работают в области изучения материальной культуры и искусства, особенно истории восточного искусства. После того, как в России установилась коммунистическая власть, часть ее исследователей бежала за границу. Из специалистов по упомянутым выше наукам эмигрировали, между прочим, Н. П. Кондаков, известный исследователь византийского искусства, и гениальный классик и археолог М. И. Ростовцев, теперь профессор Йельского университета в Соединенных Штатах Америки. Эмигранты-ученые выпускают в Праге чисто научную серию изданий, которая в память ныне покойного профессора Кондакова носит название *Seminarium Kondakovianum* и которая бесспорно является ценной научной серией. В ней писали также некоторые проживающие в России видные исследователи. Но теперь выясняется из газет <...>, что этих авторов вследствие этого начали преследовать. Дальше всего зашли преследования в отношении академика профессора С. Жебелева, которого исключили из Союза научных работников и уволили с его должности вице-председателя Академии истории материальной культуры. Утверждают, что его задержали и выслали в Сибирь, в Нарымскую область, но этого сообщения мне не удалось проверить. Научная работа этого ученого, бывшего декана факультета, а затем ректора Петроградского университета, таким образом прекращается. Причиной этого является написанный профессором Жебелевым в *Seminarium Kondakovianum* некролог о проф. Я. И. Смирнове, известном исследователе восточного искусства, умершем в Петрограде (не был, следовательно, эмигрантом) в конце 1918 г. Я прочел снова этот некролог и не понимаю,

каким образом эта хорошая, прочувствованная статья могла вызвать те преследования, которым подвергался проф. Жебелев. В московских „Известиях“ № 272 приводятся в виде особенно отягчающих обстоятельств следующие две фразы из некролога: 1) „Археологический метод работы Якова Ивановича (т. е. Смирнова) является строго историко-филологическим без каких-либо уклонений в ‘художественное исследование’, ‘социологию’ и тому подобные модные течения“; 2) Профессор Жебелев упоминает дважды профессора Ростовцева, как „моего и Якова Ивановича общего друга и соратника“. Вдобавок в упомянутом номере „Известий“ резко осуждалось то, что Жебелев последовавшие за революцией тяжелые годы назвал лихолетьем, а также последние слова некролога: „...иногда думаешь: пожалуй, судьба знала, что делала, когда она не дала Я. И. прожить еще эти 9 лет (некролог написан в 1927 году). Но некоторым из нас, оставшимся после него, эта мысль не дает утешения. Ибо, если бы Я. И. прожил еще 9 лет, то нам было бы легче прожить их вместе с ним“. Во имя свободы науки и международных исследований обращаюсь к научному центральному управлению (Главнаука) Комиссариата народного просвещения Советского Союза с вопросом, является ли вышеприведенное изложение правильным, и предлагаю вам воспользоваться своим авторитетом для воздействия, чтобы положение ученых не делали невозможным и чтобы науку не подавляли и не губили. Весть о происшедшем произвела самое тяжелое и удручающее впечатление на ученых за границей. Прежде чем я выскажу ту оценку, которую сообщенные „Известиями“ факты заслуживают, я жду вашего разъяснения. Нижеподписавшийся осмелился взять слово и обратиться к вам между прочим потому, что сам издает и редактирует международный журнал, в котором принимали участие и советско-русские исследователи. Одновременно с этим я, конечно, освобождаю их от всяких обещаний сотрудничать в будущем, чтобы вопреки моему желанию не поставить в опасность их положение. Я выступаю и потому, что являюсь заинтересованной стороной: меня пригласили в состав членов той уважаемой академии, с должности вице-председателя которой профессор Жебелев по изложенным мною причинам уволен. Профессор, доктор А. М. Тальгрэн, редактор *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, член-корреспондент Российской Академии истории материальной культуры, член археологической комиссии Украинской Академии наук и десяти прочих восточно-европейских археологических учреждений и обществ. Гельсингфорс, 15 декабря 1928 года.⁷⁹

⁷⁹ *A. M. Tallgren Tiedemiesten vaino Neuvosto-Venäjäällä // Helsingin Sanomat. 1928. 16. 12. № 343. См. текстуальный перевод в личном деле Жебелева: ПФА РАН, ф. 2, оп.*

Письмо А. М. Тальгрена в Главнауку было получено руководством АН СССР 10 декабря вечером из ОНУ при СНК СССР с запиской от Е. П. Воронова, где он просил продумать ответ со стороны Академии наук, ГАИМК и АН УССР. Е. Г. Ольденбург записала реакцию мужа: «Сергей справедливо думает, что такому большому учреждению, как Академия наук, нельзя отвечать на письмо одного частного лица <...>, потому что это письмо не свидетельствует о большом уме проф. Тальгрена. Неужели опять начинается шумиха по поводу так называемого „Жебелевского дела“?» 11 декабря в Ленинград приехали Е. П. Воронов и Н. П. Горбунов, с которыми С. Ф. Ольденбург обсудил ситуацию в связи с письмом Тальгрена. Однако отвечать на него академическому руководству все же пришлось из-за сложившейся ситуации с выборами.

На Общем собрании 12 января 1929 г. академики показали свое истинное отношение к навязанным властями кандидатам. Копившееся раздражение за постоянное унижение в прессе, неуважение к мнению свободного научного сообщества закончилось неизбранием трех кандидатов-коммунистов. Около 12 часов ночи Е. Г. Ольденбург записала полные возмущения строки: «Произошло что-то кошмарное! Они провалили трех кандидатов: Деборин, Фриче и Лукин! <...> Что заявили здесь академики? Что они несоветские люди, это, конечно, они показали вполне, но хуже еще, что им доверять нельзя, что они трусы! Трусы! Не иметь мужества выразить свое мнение прямо в комиссиях и в Отделении и, прячась за спину других, подпустить „чернычок“, — я, мол, тоже не за большевиков».⁸⁰ Президиум АН СССР нашел выход из сложившейся ситуации, решив провести повторные выборы с участием вновь избранных академиков, но это решение требовало утверждения Общего собрания.

Чтобы засвидетельствовать лояльность Академии наук советской власти после провала выборов коммунистов, Ольденбург вынужден был немедленно отреагировать на письмо Тальгрена и написать опровержение не только от себя, но и от лица Жебелева, что подтверждают записки в дневнике Елены Григорьевны.⁸¹ 14 января 1929 г. Жебелев составил краткое обращение в адрес финского коллеги, где вынужден был пойти на явную ложь: якобы он сам просил снять с него обязанности

17, д. 201, л. 116–117. В советской прессе опубликовано под названием: Открытое письмо проф. Тальгрена // Известия. 1929. 24 янв.

⁸⁰ ПФА РАН, ф. 208, оп. 2, л. 57, л. 81 об.

⁸¹ Там же, л. 94.

товарища председателя ГАИМК еще с 15 ноября 1928 г.; что его объяснения о статье в пражском сборнике Ленинградское бюро СНР признало удовлетворительным, поставив автору на вид «недопустимость <...> участия в таком издании, где имеется статья М. И. Ростовцева, вступительные строки которой носят ярко выраженный политический антисоветский характер, для чего, по моему убеждению, не может быть места в научном издании». «Не могу не выразить крайнего своего недоумения, что Вы, поддерживающий столь оживленные связи с советскими учеными, сообщили в газеты сведения, не дав себе труда предварительно тщательно проверить их», — заключил он.⁸² Но лаконичность этого письма в данной ситуации не устраивала Ольденбурга, и он, как и прежде, отверг авторский текст и написал свой. 16 января лишь подписанный Жебелевым: «К сожалению, мы не учли того, что издание *Кондаковского Семинария* не осталось, как вы это говорите, на почве чистой науки, а в лице М. И. Ростовцева в самой резкой и оскорбительной для советских ученых форме бросило чисто политический вызов с полным осуждением тому послереволюционному советскому строю, в котором и на который мы работаем. Широкая общественность горячо откликнулась на происшедшее, потребовав объяснений у нас, напечатавших свои статьи в издании, которое уже одним напечатанием вызова М. И. Ростовцева, нам при посылке наших статей неизвестного, показало, что оно носит не чисто научный характер».⁸³

Письмо самого С. Ф. Ольденбурга А. М. Тальгрену от 16 января 1929 г. содержало упреки в адрес финского ученого в фактической неверности приводимых им сведений, обращении к международной научной общественности через голову АН СССР и содержало достаточно резкую отповедь из-за вмешательства иностранца во внутренние дела советской науки. «Вы указываете на *Seminarium Kondakovianum*, как на чисто научное издание, — писал С. Ф. Ольденбург. — Статья проф. Ростовцева во втором томе этого издания имеет вступление чисто политического характера, глубоко возмутительное с точки зрения каждого лояльного советского гражданина. <...> Советские ученые сами умеют поддерживать те заграничные научные сношения, которыми они дорожат, и в помощи <...> они не нуждаются. <...> Не могу не выразить Вам глубокого сожаления по поводу того, что подвергая сомнению искренность заявлений Советской власти о содействии науке и культуре,

⁸² ПФА РАН, ф. 2, оп. 17, д. 201, л. 111.

⁸³ Там же, л. 105–106. Оpubл.: Ответ акад. С. Жебелева проф. Тальгрену // Известия. 1929. 24 янв.

Вы не пожелали узнать мнения по этому вопросу наиболее компетентных людей, самих ученых. <...> Советская власть не только заявляет о том, что ставит науку базой Советского строительства, а делает все от нее зависящее для введения науки в жизнь и для содействия научной работе. Независимо от этого тот широкий интерес к науке, который проявляется у нас в массах, служит для наших ученых лучшим залогом того, что наука у нас не только не угнетена, а пустила могучие корни. Это особенно ясно из того, что у нашей молодежи, у тех, кто является сменой нам, сильнейшая тяга к науке. Это ясно видим не только мы, но и те из иностранцев, которые судят о нас и нашей работе беспристрастно».⁸⁴ Письма С. А. Жебелева и С. Ф. Ольденбурга в тот же день были отправлены А. М. Тальгрену.

Письмо финского ученого стало известно председателю ГАИМК акад. Н. Я. Марру лишь 17 декабря (он находился в научной командировке в Карелии). «Когда Академия истории материальной культуры ставила перед собой вопрос о привлечении Вас в число ее сотрудников, — писал Марр Тальгрену, — она, конечно, в полной мере осознавала все положительные стороны такого сотрудничества с Вами, высокий научный авторитет Ваш являлся для нее залогом, что Вы примете, как данное, наши общественные взгляды. Со своей же стороны мы, работники советской науки, не считали себя в праве подвергать критике основы социального и политического строя Вашей страны, как бы далеки они ни были нам. Однако, это наше последнее и, казалось, совершенно естественное предположение оказалось неосуществившимся. В своем письме в Главнауку <...> Вы сочли для себя возможным войти в обсуждение вопроса об академике С. А. Жебелеве и, таким образом, совершенно открыто доказали, как мало считаетесь Вы с тем учреждением, с которым Вы связаны и с руководителем которого не признали необходимым обменяться по этому поводу своим мнением. Может быть, если бы Вы запросили меня, то я сумел бы доказать Вам, что теоретические взгляды каждого исследователя находятся в неразрывной связи с идеологией того класса, к которому он примыкает, и что поэтому Ваша критика, Ваш протест являются абсолютно недопустимыми для морального достоинства советского ученого. Но Вы пошли другим путем и тем самым открыто показали, как глубоко наше расхождение с Вами».⁸⁵ 20 января Е. Г. Ольденбург записала: «Опять

⁸⁴ ПФА РАН, ф. 2, оп. 17, д. 201, л. 103 с об. См. также: Письмо акад. С. Ф. Ольденбурга проф. Тальгрену // Известия. 1929. 24 янв.

⁸⁵ Письмо акад. Н. Марра проф. Тальгрену // Известия. 1929. 24 янв.

волнения – Марр ответил лично на письмо Тальгрена. Сергей полагает, что Марр должен был показать свой ответ, боится, что письмо его очень резкое и может навлечь неудовольствие заграничных ученых на русских ученых, но Воронов очень доволен резкостью письма Марра.⁸⁶ Нетерпимый и конфронтационный тон его был благосклонно встречен властями, и 24 января «Известия» опубликовали письмо Тальгрена и ответные письма Жебелева, Ольденбурга и Марра.⁸⁷

Информативна и достаточно откровенна переписка коллег С. А. Жебелева с оценкой хода его дела и общей ситуации в АН СССР в конце 1920-х гг. Стараясь помочь Жебелеву, Ростовцев попытался привлечь внимание своих западных коллег к положению ученых в СССР и вызвать широкий общественный резонанс с осуждением политических методов воздействия на науку. 23 декабря он писал английскому историку Э. Миннзу: «Единственные, кто мог бы помочь, это немцы. Они <...> не очень склонны вмешиваться; но все же они одни могли бы что-либо сделать. К ним советские прислушиваются. Заявление Виганда и (министра) Becker'a, например, а также Rodenwaldt'a и Sarre частным образом, в письмах Луначарскому (но не Марру; этот безумный еще распалился) могут сыграть известную роль. Одно указание на то, что дело нехорошо без известной реакции в Европе, может много помочь».⁸⁸ Мне не удалось установить, послали ли немецкие ученые письма в защиту Жебелева; вероятно, все же послали, так как открытое письмо Тальгрена и ответы на него были напечатаны в советской прессе лишь месяц спустя после публикации письма Тальгрена в Финляндии.

В личном деле Жебелева сохранился подлинник ответного письма Тальгрена Ольденбургу от 19 января 1929 г., написанного на русском языке: «Многоуважаемый академик, благодарю Вас за Ваше письмо. Я был обрадован известием о том, что С. А. Жебелев продолжает работать в Академии. Последствия его статьи, помещенной в *Seminarium Kondakovianum*, – поскольку они касались его лично – вызвали среди заграничных ученых очень тяжелое впечатление, вследствие чего я позволил себе выразить его в моем открытом письме. Если бы я не вы-

ступил, то с таким обращением выступили бы ученые некоторых стран, и вследствие чего оно получило бы международный характер. Наука международна и реагирует. Я с удовольствием буду сообщать своим коллегам в других странах те фактические данные, которые сообщили мне и Вы, и С. А. Жебелев. Мне хорошо известно, что Ваша молодежь энергично и удачно работает в области науки и это сознание мне очень приятно. Да будет ее будущее светлым!»⁸⁹ И. И. Шитц оставил собственный комментарий к событиям: «Академический скандал разрешается. На днях финский ученый Тальгрэн обратился с письмом по поводу *Seminarium Kondakovianum* (так. – И. Т.), газеты напечатали это письмо рядом с тут же помещенным „достойным ответом русского ученого“, именно Жебелева, который, сказав „а“, вынужден сказать и „б“, все гуще и гуще доказывая свою „советскость“. Кстати пристегнулся и Марр, с излияниями совсем уж неубедительными и даже грубоватыми. А Европа смотрит! Тальгрэн имя очень крупное».⁹⁰

Продолжалась эпопея с академическими выборами. 17 января состоялось экстраординарное Общее собрание АН СССР: 28 академиков голосовали за обращение в СНК СССР с просьбой о разрешении переизбрать трех кандидатов, не получивших требуемого Уставом большинства в две трети, 9 голосовали против (И. П. Павлов, В. Ф. Левинсон-Лессинг, Е. Ф. Карский, И. П. Бородин, Б. М. Ляпунов, П. А. Лавров, Д. М. Петрушевский, Б. Я. Владимирцов, П. Н. Сакулин), несколько человек воздержались.⁹¹ Повторное голосование по забаллотированным на выборах кандидатам прошло гладко, чему способствовала искусно нагнетаемая атмосфера недовольства действиями АН со стороны общественности. Избранием в январе – феврале 1929 г. в свой состав первых коммунистов – историков Н. М. Лукина, Д. Б. Рязанова и М. Н. Покровского, литературоведов П. Н. Сакулина и В. М. Фриче, философа А. М. Деборина (Июффе), государственных деятелей Н. И. Бухарина и Г. М. Кржижановского, – АН СССР выполнила важнейшее условие своего дальнейшего существования при советской власти.

М. И. Ростовцев узнал о происходящих на родине событиях, и 24 февраля 1929 г. попросил Тальгрена выслать ему все материалы по «делу» Жебелева: «Очень бы хотелось иметь текст Вашего письма и текст

⁸⁶ ПФА РАН, ф. 208, оп. 2, л. 57, л. 111.

⁸⁷ См.: Письмо профессора Тальгрена и достойный ответ советских ученых // Известия. 1929. 24 янв.

⁸⁸ Фонд Западных рукописей Библиотеки Кембриджского университета (Великобритания), Minns Papers, Add. MS 7722. Благодарю Г. М. Бонгард-Левина за разрешение процитировать указанное письмо.

⁸⁹ ПФА РАН, ф. 2, оп. 17, л. 201, л. 115 с об.

⁹⁰ И. И. Шитц. Указ. соч., 83 (запись от 25 января 1929 г.).

⁹¹ Известия. 1929. 25 янв.; Ф. Ф. Переченок. Указ. соч., 186–187; П. К. Коковцов. Указ. соч., 152–153; 154–155.

ответов Жебелева, Марра и Ольденбурга. Чтение хотя и неприятное, но не бесполезное. Если есть у Вас лишние копии, пришлите. Глубоко жалко мне Сергея Александровича. Лжет человек, не переставая, и все знают, что лжет, но всё же заставляют его лгать – просто для собственного удовольствия. Для Ольденбурга лгать естественно. Он всю жизнь только это и делал. Но Сергей Александрович любит правду, и ему лгать, конечно, очень тяжело. А Марр просто забавен. Убедил себя в том, что он большевик, и поверил этому, как поверил фантому своему яфетическому.⁹² Своими впечатлениями Ростовцев поделился и с А. А. Васильевым в письме от 29 февраля 1929 г.: «Положение в Академии не только сложно, но и глубоко противно. Все построено на сплошной лжи. Сергей Александрович, пишущий возмущенное письмо по адресу Тальгрена, который имел неосторожность сказать свое мнение о том, что выделывают обезьяньи морды, управляющие русской наукой! Что Ольденбург пишет такие письма, естественно. Он лгал всю жизнь, лжет и теперь. Что Марр поверил сам в свой большевизм, тоже не удивительно. Глупо только, что в своем ответе Тальгрону он читает нотацию мне, думая, что я ему не отвечу. Но заставить Сергея Александровича сказать еще раз ложь, явную для всех, это верх подлости и подлости ненужной. Все равно лжи Сергея Александровича никто не поверит. Положение в Академии я предвидел давно и давно тебе об этом говорил. Коготок увяз, всей птичке пропасть! Уступка за уступкой привела к естественному результату. Это только первый шаг. Раньше для большевиков гимны Академии были сладки: они ожидали иного, и им было бы нелегко заставить Академию петь гимны. Теперь они знают, что чего бы они ни потребовали, отказа не будет».⁹³ Получив все материалы по «делу» Жебелева от Тальгрена, Ростовцев ответил финскому коллеге 14 апреля 1929 г.: «Какое печальное зрелище эти ответы, полные лжи! Вся Советская Россия пропитана ложью. Лгут правители и заставляют нагло лгать своих рабов. Любопытно, что письма Ольденбурга и Жебелева напечатаны на той же машинке и, очевидно, написаны под диктовку одного человека, одним и тем же стилем, и только подписаны Жебелевым и Ольденбургом. Впрочем, это безразлично, а важно то, что оба лгут. Письмо Марра производит удручающее впечатление. Этот человек явно невменяем. Вся первая часть его письма – сплошной бред безумца. Вторая же часть – просто примитивно глупа.

⁹² Письма М. И. Ростовцева А. М. Тальгрону / Публ. Г. М. Бонгард-Левина, И. В. Тункиной // Скифский роман, 513.

⁹³ Г. М. Бонгард-Левин, И. В. Тункина. М. И. Ростовцев и А. А. Васильев, 270.

Жалкая картина полного разложения людей когда-то честных, прямых и хороших ученых. Для меня лично особенно *интересна* была классификация моей статьи в *Seminarium Kondakovianum II* как статьи политической. В первых пяти строках я сказал несколько слов очень общих и даже не резких. Вообще я говорю обо всем этом в гораздо *более резких* тонах. Совершенно ясно, что притягивание моей статьи за волосы [–] какая-то идиотская увертка для того, чтобы оправдать действие, вызванное чем-то другим, вероятно, моим выступлением в Осло,⁹⁴ в чем Жебелева обвинить даже советское правительство не могло. Знаете ли Вы, почему они держат *четвертый месяц в тюрьме Бенешевича*? Это тоже прекрасная иллюстрация свободы Советской науки. Одно в письме Ольденбурга правда. Это, что молодежь стремится к знанию. Но что ей дают вместо знания? Это другой вопрос».⁹⁵

Негативная оценка поведения Жебелева в ходе «дела» дана в письмах В. И. Вернадского к сыну – он считал, что в сложившейся ситуации С. А. Жебелев «не сумел сохранить свое достоинство».⁹⁶ По воспоминаниям М. И. Максимовой, виновник политического скандала тяжело переживал все перипетии собственного «дела» и вынужденное публичное отречение от Ростовцева: «В жизни Сергея Александровича эти события <...> сыграли немалую роль, и не только потому, что они отняли у него достаточное количество сил, духовных и физических, но и оттого, что он долго не мог установить, какие скрытые враждебные силы действовали в данном случае против него, и это его сильно волновало. И только после того как он наконец пришел к определенному выводу и у него, по-видимому, не осталось в данном случае никаких сомнений (а произошло это довольно скоро после окончания дела), он сразу успокоился, словно ему после долгих усилий удалось решить какую-то мучившую его трудную научную проблему. Все встало теперь на свое место, и Сергей Александрович обратился к текущим делам».⁹⁷ Несколько лет спустя после событий конца 1928 – начала 1929 гг. в собственном автонекрологе (1932 г.), говоря о прошлой дружбе с Ростовцевым, Жебелев писал: «Я пуб-

⁹⁴ Речь идет о резком выступлении М. И. Ростовцева против М. Н. Покровского, главы советской делегации на VI Международном историческом конгрессе в Осло (август 1928 г.). Подробнее см.: И. В. Тункина. М. И. Ростовцев и Российская Академия наук, 99–101.

⁹⁵ Письма М. И. Ростовцева А. М. Тальгрону, 514.

⁹⁶ См.: Пять «вольных» писем В. И. Вернадского..., 435–436.

⁹⁷ М. И. Максимова. Из воспоминаний о С. А. Жебелеве // Советская археология № 3 (1969), 88.

лично отрекся от него, отрекся, конечно, вынужденно, в силу сложившихся, но несколько не оправдывающих меня обстоятельств и соображений, не делающих чести моему мужеству и являющихся в моих глазах одним из самых мрачных эпизодов моей жизни».⁹⁸ Из интервью Г. В. Вернадского, данного им Л. Грэмму 21 июля 1964 г. известно, что Жебелев вскоре после «дела» написал Ростовцеву письмо, в котором просил извинений. Михаил Иванович всю эту историю принял близко к сердцу и сильно переживал из-за унижений, перенесенных другом.⁹⁹ Показательно, что окончательный выбор между родиной и эмиграцией Ростовцев сделал лишь десять лет спустя после отъезда из России, сразу после описанных событий, приняв в 1929 г. американское подданство.

Так закончилось «дело» Жебелева, инспирированное властями с целью оказать давление на членов Академии наук. Оно стало первым звеном в цепи последующих, более трагичных для АН СССР событий, заслонивших его по серьезности последствий, – проверки комиссии Рабоче-крестьянской инспекции во главе с Ю. П. Фигатнером (июнь–август 1929 г.), вызвавшей массовые чистки и отставку административного аппарата, и «академического дела» (1929–1931), которые повлекли за собой коренную реорганизацию главного научного учреждения страны. Прошло совсем немного времени, и сталинский террор обрушился на тех, кто выступал обвинителем по «делу Жебелева». Начался разгром русской исторической науки в ходе руководимой новоиспеченным академиком М. Н. Покровским кампании по «гневному обличению контрреволюционеров-историков» (октябрь 1930 – январь 1931 гг.), – кампании, затронувшей и С. А. Жебелева. Но это уже совсем другая история.

⁹⁸ См.: Историографические этюды С. А. Жебелева (Из неизданного научного наследия). Автобиография / Публ. И. В. Тункиной и Э. Д. Фролова // ВДИ № 2 (1993), 177.

⁹⁹ См.: L. R. Graham. The Soviet Academy of Sciences..., 107–108, n. 71.

Список сокращений

- ВАРНТИСО – Всесоюзная ассоциация работников науки и техники на помощь социалистическому строительству.
 ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры.
 ЛОКА – Ленинградское отделение Коммунистической академии.
 НИИАиИ – Научно-исследовательский институт археологии и искусствознания.
 ОГН – Отделение гуманитарных наук.
 ОНУ – Отдел научных учреждений.
 ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской АН.
 РА ИИМК – Рукописный архив Института истории материальной культуры.
 РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
 РАО – Русское археологическое общество.
 СНР – Секция научных работников.
 ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.